

Б. Д. ЧЕЛЫШЕВ

В поисках редких книг

Б. Д. ЧЕЛЫШЕВ

В поисках редких книг

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
МОСКВА 1970

Челышев Б. Д.

Ч-41 В поисках редких книг. М., «Просвещение», 1970. 110 с.

7-6-3
285-70 **002**

ЮНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Когда мы попадаем в Исторический музей, то внимание наше привлекают прежде всего экспонаты яркие, необычные: образцы машин, макеты домов, жилых кварталов, зубы и клыки мамонта, чучела хищных зверей, старинное оружие. И вот, полные впечатлений о необычном, великом или древнем, мы порою проходим мимо витрин, где выставлены на первый взгляд очень обычные вещи — старые книги. Они, пожалуй, похожи одна на другую: потрепанные, с пожелтевшими страницами и выцветшим шрифтом.

Но если мы приглядимся к тем книгам, то без большого труда заметим, что каждая из них чем-то интересна, своеобразна. У каждой своя судьба, своя история — то героическая, то славная, а иной раз и печальная. И не только содержание книги составляет ее славу и ценность. История ее издания и распространения бывает порой удивительнее иного приключенческого романа.

Уже четверть столетия занимаюсь я поисками редких и уникальных книг. И каждый поиск — целый рассказ о необычных находках, о радости открытия. И мне захотелось рассказать тебе, юный читатель, об истории некоторых книг, разместившихся на полках моей библиотеки, о людях, давших им жизнь.

КРАТКОЙ
РОССІЙСКОЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ
СЪ
РОДОСЛОВІЕМЪ.
Сочиненіе
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1760 года

ЗДАНИЯ, ПРОЖИВШИЕ СТОЛЕТИЯ

Лет десять тому назад мне довелось побывать в Ленинграде у известного книголюба Федора Григорьевича Шилова.

Невысокого роста худой старик вглядывается в меня внимательными глазами. Он очень болен: не действует левая рука, волочится непослушная нога. Но память по-прежнему служит безукоризненно. Рассказывая о знакомых ему писателях, художниках, о знаменитых библиофилах России, Федор Григорьевич даже не сбивается в датах и фактах.

Шилов рассказывает о редких изданиях, показывает некоторые из них. Вот он положил на стол несколько литографий известных художников с дарственными надписями, автографы Васнецова, Репина. Затем открывает застекленный шкаф и достает книги, изданные в XVIII веке.

Тут «Грамматика» Смотрицкого, напечатанная в Московской типографии в 1648 году. Она была переведена в Молдавии, Сербии, Болгарии. А это известная «Арифметика», изданная в 1703 году. Я с большим трудом прочитал ее полное название: «Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славянский язык переведенная и воедино собрана и на две книги разделена... в богоспасаемом царствующем великом граде Москве типографским тиснением ради обучения миролюбивых российских отроков, и всякого чина и возраста людей на свет произведена. Сочинена сия книга через труды Леонтия Магницкого».

Леонтий Магницкий был очень талантливым человеком. Самостоятельно изучил он голландский, немецкий, итальянский языки, а из наук — математику, астрономию, физику и ряд других. Его «Арифметика» содержала массу сведений по геометрии, навигации, астрономии и была написана популярно, занимательно. Учебник служил с большим успехом на протяжении многих десятилетий.

Эти две книги да «Псалтырь», переведенный стихами Симеоном Полоцким, считал своими «вратами учености» Михаил Васильевич Ломоносов.

Шилов рассказывает, как вскоре после Октябрьской революции он отыскал сданный на склад макулатуры архив Соляной конторы. В нем оказалось очень много интересных документов, в том числе редкие рукописи, автографы. Между этими бумагами, которые валялись в сарае, он обнаружил два письма М. В. Ломоносова. Ученый писал в Соляную контору, чтобы ему сообщили сведения о количестве добываемой соли. На первое письмо ему не ответили, и он написал другое с той же просьбой и выругал чиновников за задержку ответа.

Затем старый книголюб показал мне и некоторые прижизненные издания Ломоносова.

Первое собрание своих сочинений ученый выпустил в 1751 году. «Намерен я, — заявлял он, представляя свою рукопись в академию, — все мои оды и другие мои сочинения отдать в печать для того, что весьма много охотников, которые их спрашивают».

А спрос на сочинения Ломоносова тогда действительно был большой. Вместо 725 экземпляров, как было задумано, пришлось отпечатать вдвое больше, и они разошлись довольно быстро.

Через шесть лет вышло второе издание собрания сочинений великого ученого, с многочисленными изменениями и дополнениями, сделанными самим автором.

...Я волнуюсь, держа в руках эти небольшие книжки в потертых кожаных переплетах. Ведь каждой из них от роду более двухсот лет! Какую большую жизнь прожили они, прежде чем дошли до нас!

Поздно вечером я ухожу от Федора Григорьевича Шилова, получив на память его книгу с автографом. Свои «Записки старого книжника» Шилов закончил так:

«Я отдал всю свою жизнь книге, и она мне отплатила сполна. Благодаря ей я познал всю глубину человеческого разума, общался с замечательными людьми, радовался величию дел великих мастеров. От души желаю молодому поколению любить и ценить книгу, беречь ее для будущего, как наши предки сохранили книги для нас, оставив нам это бесценное наследство».

Прошло несколько лет. Скончался Федор Григорьевич Шилов. За повседневными делами я почти не вспоминал о старом книжнике. Но если уж в руки мне попадало редкое издание двухсот- или трехсотлетней давности — Шилов снова оживал в моих воспоминаниях. Вот и недавно я вспомнил о старике, о его редких книгах времен Ломоносова и Радищева.

Было так. Один из товарищей принес мне очень любопытную книгу — «Краткий Российский летописец» Ломоносова, изданный на немецком языке в 1765 году. Книга эта очень заинтересовала меня

и необычным заглавием, и пахнувшей с ее страниц древней историей, и витиеватым готическим шрифтом. Ну какой книголюб не отложит все свои дела и не постарается узнать «биографию» такого любопытного издания!

Вот и я соорудил на своем письменном столе целую башню из справочников, сборников документов, исторических исследований.

«Краткий летописец» М. В. Ломоносов написал в 1759 году, думая создать некое подобие учебника по истории для великого князя Павла Петровича, которому в то время было всего шесть лет.

«Летописец» состоял из трех частей, называвшихся: «Показание Российской древности», «Хронологический список царствовавших в России великих князей до Петра Великого» и «Родословие российских государей мужского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями».

Ломоносов спешил, работая над этой книгой: нужно было одновременно собирать материал для большого труда, который поручила ему Елизавета Петровна, — «Сочинение пространной истории» России.

Ветреная дщерь Петра Первого, разумеется, не так уж глубоко вникала в ученые дела. Ее больше заботили выезды, балы. Или «шуточки», чуть не насмерть пугавшие титулованную и родовитую знать. Ну, например, ввела же она однажды в моду, чтобы на придворных вечерах мужчины являлись в огромных юбках, расширенных еще китовым усом, а женщины — в мужских костюмах. К тому же она требовала, чтобы все были без масок. До наук ли было императрице при таком времяпрепровождении!

Вышедший в свет «Летописец» Ломоносова вызвал разноречивые толки. Нашлись ученые сановники, особенно среди иностранцев, которым не по душе пришлись «упражнения в истории» мужицкого сына Михайла Ломоносова. Ученый Шлецер в одном из комментариев к своей «Всеобщей северной истории» писал высокомерно: «Каково придется бедным русским летописям, если они обрабатываются немытыми руками химиков и переводчиков?»

ПЕРВЫЯ ОСНОВАНІЯ

МЕТАЛЛУРГІИ,

или

РУДНЫХЪ ДѢЛЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

печатаны при Императорской Академіи Наукъ 1763 года.

Титульный лист книги, вышедшей при Ломоносове.

И профессор истории Миллер сомневался в познаниях великого русского ученого. Он заметил както: «Ломоносов сохранит на долгие времена свои огромные заслуги перед русской литературой, хотя он и не показал себя знающим и надежным историком».

Но даже враги Ломоносова все же должны были признать, что «Краткий летописец» стал весьма популярен среди образованных читателей того времени. Тот же Шлецер скрепя сердце согласился, что «Краткий летописец» принят «с немалым удовольствием».

И вот на столе передо мною тоненькая книжечка с изрядно потрескавшимся кожаным корешком, в переплете, оклеенном серой бумагой с узорами, как на простеньких обоях. Ни подписи владельца, ни его книжного знака. Ну за что же зацепиться, чтобы узнать еще что-нибудь об этой старой книжечке? Да, на корешке сохранилась наклейка с номером — 1352, судя по чернилам и конфигурации знаков, сде-

ланная не менее ста лет тому назад. Вот и все. Но о чем расскажет этот знак? Гораздо интереснее данные, выставленные на титульном листе: перевод «Летописца» сделал Петр Штелин, служивший при датском дворе; место издания — Копенгаген-Лейпциг, типография Фридриха Христиана Пельта, 1765 год. Тут уже многое становится как будто бы понятным, но несколько странным: почему и с какой целью переводом книги Ломоносова занялся немец, да к тому же причастный к дипломатическим кругам Дании? Где и каким образом изучил он русский язык? Что за цели преследовал при этом? Насколько редко и ценно сейчас это издание для книголюбов и научных работников? Целая куча вопросов!

С утра садился я за стол или отправлялся по библиотекам, просматривал различные указатели, сборники материалов, сообщения о трудах Ломоносова, читал о нем исследования русских и зарубежных историков.

И обнаружились вдруг любопытные вещи. Оказывается, отцом переводчика Петра Штелина был русский академик — Якоб Штелин, хорошо знавший Ломоносова и даже написавший книгу о нем — «Черты и анекдоты для биографии Ломоносова». Благодаря ему мы узнали много любопытных фактов и эпизодов из жизни нашего великого предка.

В другом исследовании указывалось, что книга «Летописец» в переводе Петра Штелина — первый исторический труд Ломоносова, вышедший за рубежом. С этой книги в 1767 году «Летописец» перевели в Англии, а четыре года спустя в Риге.

Тогда мне снова пришлось обратиться к немецкому изданию «Летописца».

Внимательно перелистав редкую книгу, я обратил внимание на то, что послужило ключом к последующей разгадке некоторых вопросов. Это было предисловие переводчика. Первые же строки рассказали о самом Петре Штелине.

«Эта книжечка вышла из печати четыре года тому назад, — писал Петр Штелин. — Я взял ее для перевода, чтоб поупражняться в русском языке. Что мог я найти тогда — семнадцатилетний лейтенант-артил-

Титульный лист книги «Краткий Российский летописец», переведенной на немецкий язык.

Kurzgefaßtes

Jahr-Buch

der

Russischen

Regenten,

Aus dem Russischen des Herrn Staats-Raths

Michaila Lomonosoff,

übersetzt

durch

Peter von Stählin,

Copenhagen und Leipzig

bey Friedrich Christian Pelt,

1765.

лерист? Ведь я занимался лишь пушками да мортирами. А зимние вечера так долги...

Книжечку Ломоносова я внимательно перечитал несколько раз. Она мне понравилась более других, написанных в этом же роде выдающимися писателями. Кроме того, я слышал, как ученые и знатоки истории беспрестанно хвалили ее... Я решил, — продолжал переводчик, — что книжку эту нужно перевести и на немецкий язык. Соседи-иностранцы, до сих пор написавшие столько неверного о русской истории, могли бы многому научиться, прочитав эту книжечку».

Действительно, иностранные историки, не знавшие хорошо России, писали нелепицы о быте, нравах, государственном управлении страны, а то и просто откровенно злобствовали. Когда же в 1759 году Вольтер выпустил в Женеве первый том «Истории России при Петре Великом», то прусский король Фридрих,

узнав об этом, вышел из себя. «Чего ради вздумали вы писать историю сибирских волков и медведей? — писал он Вольтеру. — Я не буду читать историю этих варваров. Я хотел бы даже не знать, что они обитают в нашем полушарии».

Петр Штелин подчеркивал, что даже в России «еще никакая книга этого же рода не получала за свою достоверность такого одобрения, как эта. Такое одобрение она заслужила по праву. Хотя книжечка Ломоносова и невелика по объему, она должна рассматриваться как нечто новое по сравнению с книгами старых русских исторических писателей».

Я намеренно привел большие выдержки из предисловия Петра Штелина, так как в той литературе о трудах Ломоносова, которая была в моем распоряжении, я не встречал их. Возможно, приходится переводить их впервые. Но, так или иначе, энтузиазм молодого переводчика показывает нам, как любили Ломоносова, как ценили его талант современники, как отражали они нападки его многочисленных врагов. Ни замалчивание трудов великого ученого в самой России, ни нападки иноземцев не могли воздвигнуть барьер между ним и культурной частью европейского общества.

Но обратимся к редкой книге.

Прошел месяц после того, как товарищ положил мне на стол «Летописец» Ломоносова в немецком переводе Петра Штелина. А сейчас на столе конверты из Москвы, Ленинграда, Ярославля, Киева, из нескольких сибирских городов. Дело в том, что о редкой книге я письменно известил специалистов и книголюбов. Попросил сообщить, есть ли у них подобные экземпляры. Результат был таков: книжечка имеется лишь в фонде редких изданий в Москве в Библиотеке имени В. И. Ленина да в Ленинградской библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Не так уж много!

Вот такие редкие старинные издания и напоминают мне о знатоке уникальных книг Федоре Григорьевиче Шилове, с которым некогда посчастливилось мне встретиться.

ЕЛЕКТРИЧЕСКIЕ ОПЫТЫ,
любопытства и удивленiя
достойные.
[illegible]
и другихъ болезней [illegible].
[illegible]
[illegible]
СОЧИНЕННЫЕ
Английскимъ Королевскимъ Механикомъ
Георгомъ Адамсомъ.
съ Немецкого на Россiйской языкъ переложенные
Т. О.
ИЗДАННЫЕ
и
многими другими [illegible]
[illegible] дополненные
[illegible]
[illegible]
Ефимомъ Войтяховскимъ.
С [illegible] рисунками.

Съ указнаго дозволенiя.

ВЪ МОСКВѢ.
Печатаны иждивенiемъ Издателя [illegible]
[illegible], у Христофора Клаудiя.
1793 года.

ТИРАСПОЛЬСКАЯ НАХОДКА

Библиотека Тираспольского пединститута. Деревянные стеллажи. Сверху надпись: «Редкие издания». На полках до шестисот книг в кожаных, дерматиновых, картонных переплетах. По корешкам сразу догадаешься, что в основном здесь издания не такие уж редкие, хотя и старые.

Но, приглядевшись более внимательно, можно обнаружить между этими книгами действительно редкие издания. Имеется даже одна рукопись...

И вот однажды я обнаружил среди них книгу, которая заставила меня заняться увлекательными поисками.

Светло-коричневый кожаный переплет, грубоватая нелощеная бумага двухсотлетней давности и пространное заглавие: «Електрические опыты, любопытства и удивления достойные. С относительными ко врачеванию параличных и других болезней наставлениями, основательным расположением коих теория и практика сей науки объясняются. Сочиненные английским королевским механиком Георгом Адамсом. С немецкого на российский язык переложенные Т. О. Изданные и многими другими сведениями и увеселительными опытами дополненные артиллерии штык-юнкером и математики партикулярным учителем Ефимом Войтяховским. С 7-ю рисунками».

Напечатана была эта книга в вольной типографии Христофора Клаудия в 1793 году.

Показалось странным: в то время, когда многомиллионная крестьянская Русь сидела с лучиной, верила в леших, домовых, водяных, были у нас люди, стремившиеся не отстать от Европы и первыми использовать в лечебных целях электрическую энергию. Хотя, как утверждают историки медицины, еще в 1783 году в Московской Старо-Екатерининской больнице применялась для лечения болезней «электрическая машина», но книг и руководств по этим вопросам на русском языке издано не было.

А тут вот целая книга и, как видно, первая...

Обнаружив это издание, я поспешно начал перелистывать страницы: так хотелось узнать что-нибудь новое, интересное!

Издатель «Електрических опытов» Ефим Войтяховский не просто слово в слово перевел труд Георга Адамса. Когда я более внимательно ознакомился с содержанием книги, то обнаружил, что «прибавления» его составляют чуть ли не треть книги!

Войтяховский рассказывает о строении электрической машины, описывает различные «любопытства», как-то: «голова с подъемлющимися волосами», «о приуготовлении електрического змея», «кораблик, електрическою силою сокрушенный», «о приуготовлении волшебных картин». Странно читать об этом в научной книге. Странно, но и понятно: в век Екатетины ученый-физик должен был не только за-

Николай Афанасьевич Радищев.

ниматься наукой, но и ломать голову над различными увеселениями знати.

Тут же предлагается «роспись пропускающих електричество тел», пригодных для опытов, вызывающая у нас улыбку: «кошачья шерсть», «заячья шкура», «женски волосы» и так далее. А вот и открытие: «А. Ахард доказал, что електричество можно вместо теплоты употреблять для ускорения вылупки яиц»!

Автор-просветитель замечает со скорбью, что электричеству, как и многим лекарствам, невежественные люди чинят всякие препятствия. Он призывает «не позволять такую вещь порочить, которой они не знают, но повелеть, чтоб они старались лучше познать свойства електричества».

При помощи электричества предлагалось лечить паралич и другие болезни.

Это в основном советы не только лекарям, но и образованным интеллигентам, всем тем, кто занимались врачеванием по собственному почину. Ведь темная Русь лечилась чаще всего по-своему, народными

Александр Николаевич Радищев. С миниатюры XVIII века.

средствами. Помните, как исцеляли от недугов крестьянина — некрасовского Прокла?

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

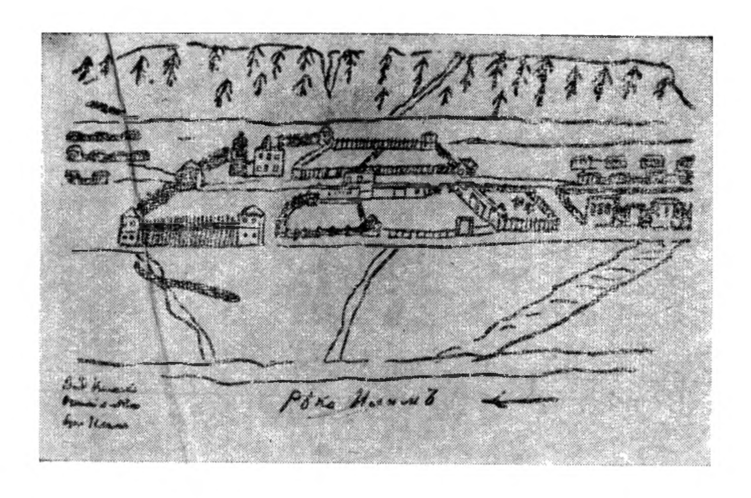
Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Все худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в прорубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь, —
А плохо — не пьёт и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя
— Случившийся тут — предлагал...

И авторы книги, зная, как лечился простой народ, решили рассказать о научных способах врачевания.

Итак, эта редкая книга не только заинтересовала меня, но и заинтриговала. Что был за человек —

Вид Илимска.
Рисунок А. Н. Радищева.

Т. О.? Кто такой Ефим Войтяховский? Кому принадлежал этот экземпляр книги? Редкая она или единственная — уникальная?

И я решил собрать по возможности все сведения о любопытном издании. Мог ли я знать, что впереди меня ждут еще более интересные и значительные открытия?

Пособия, справочники, монографии... Чем больше рылся я в них, тем больше убеждался, что в отделе редких книг Тираспольского пединститута оказалось действительно очень редкое издание.

Я узнал, что Т. О. — это Тимофей Осиповский, что стоила книга довольно дорого, чуть ли не столько же, сколько корова, — 2 руб. 50 коп. Очень большие по тому времени деньги.

Но тут меня заинтересовало: кому принадлежала эта книга, как и где путешествовала, прежде чем попасть в библиотеку педагогического института?

Бывает, что переплет, титульный лист, страницы сами расскажут, кому принадлежала книга, иногда назовут фамилии владельцев; случайные заметки на

полях могут рассказать о том, что интересует читателя или хозяина книжного собрания.

Но случается и так, что книга обо всем этом умолчит и ни о чем не поведает исследователю.

На этот раз счастье мне улыбнулось. Видно, что человек, которому принадлежала книга, внимательно читал ее, так как, говоря словами Пушкина,

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей...

Один из прежних владельцев «Електрических опытов» сделал на первом листе надпись: «№ 9 1821-го года. Тверь». Другой, уже во второй половине XIX века, наклеил на внутренней стороне переплета свой экслибрис — «Из книг И. Макарова». Все как будто ясно, ничего расшифровывать не нужно. Вот только небольшой штампик-печатка. В овале буквы, переплетающиеся замысловатыми вензелями, — «НАР». Судя по конфигурации знаков, по выцветшей краске, этот «НАР» и был, пожалуй, первым владельцем книги. Но кто он такой — любитель-библиофил конца XVIII века? Велика ли была у него библиотека? Учитель он или лекарь? Ученый-физик или случайно заехавший в Россию иностранец?

Я еще раз перелистал книгу и тут обратил внимание на несколько страниц после оглавления.

Издатель «Електрических опытов», прежде чем печатать свой труд, провел подписку среди тех, кто пожелал бы в будущем иметь его издание. Так нередко практиковалось в то далекое время. Книга находится в печати. Издатель помещает в конце список под заглавием: «Особы, благоволившие подписаться для получения книги опытов над електричеством». Просмотрим перечень этих «особ» с их полными званиями, титулами. Среди подписавшихся встречаются известные имена: князья Волконский и Голицын, дворянин Языков. А «его высокородие г. камергер, юнкер и кавалер» Петр Петрович Нарышкин, «соблаговолил подписаться» даже не на один, а на семь экземпляров книги.

Заканчивался список именами двух купцов, видно книголюбов, а может быть прельстившихся заманчи-

вым заглавием, — московского купца Данилы Дмитриевича Бесщастного и бахмутского купца Петра Ивановича Михайлова.

И тут я вдруг остановился, увидев фамилию одного из подписавшихся: «Его высокоблагородие коллежский асессор Николай Афанасьевич Радищев».

Да ведь это же отец первого русского революционера — Александра Радищева! Вот так открытие. Захотелось как можно скорее узнать: случайно или с какой-нибудь целью подписался Николай Афанасьевич Радищев на эту книгу, нет ли тут связи с его сыном.

Передо мною несколько книг и журнальных статей. Я забываю о месте, о времени и как будто отправляюсь в далекое путешествие — в двухсотлетнюю давность...

Старинное село Верхнее Аблязово. Барский дом, окруженный садом и цветниками. В массивном кресле сидит старик с умным взглядом печальных глаз. На одной стене кабинета развешано старинное оружие, вдоль другой — тянутся полки с книгами. Соседние помещики — мелкопоместные дворяне, чтобы не отстать от моды, заводили себе библиотеки из тысяч томов. Но то была «деревянная мудрость», ибо «книги» вытачивались из дерева крепостными мастерами. На корешки накладывался сафьян и делались оттиски золотом — «Вольтер», «Дидро», «Энциклопедия»...

Но у аблязского помещика Радищева библиотека была не деревянная, а настоящая. Здесь вместе с русскими имелись книги на многих иностранных языках. Ведь Николай Афанасьевич читал по-латыни, по-немецки, по-французски, владел польским языком. Радищев искренно любил книгу, находил в ней радость и отдых от хозяйственных забот. Да и сыну своему Александру привил любовь к истории, химии, иностранным языкам. Когда же Александр Радищев был отправлен для изучения наук в Лейпциг, там он увлекся и медициной.

Осенний день 1790 года. Накрапывает дождь. Нева оделась туманом. Тяжело отворяются ворота Петропавловской крепости. Переваливаясь, выезжает

Страничка письма А. Н. Радищева от 30 мая 1791 года к графу Воронцову.

крытая кибитка. В рваном нагольном тулупе, который тут же сняли с тюремного сторожа, в кандалах увозят государственного преступника Александра Николаевича Радищева, приговоренного к смертной казни. Казнь заменена десятилетней сибирской ссылкой. В пути он пишет:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

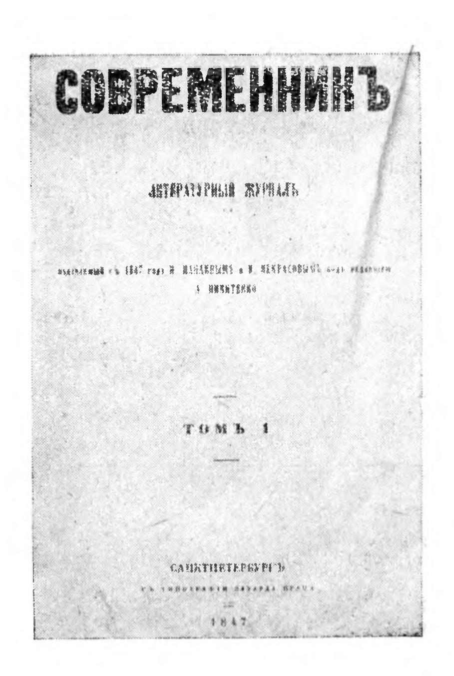
Проходит год, другой, третий. Хоть и трудно, тоскливо порою было, прижился Радищев в суровом сибирском краю. Пробовал разводить сад, выращивать овощи. Но климат оказался суров. Лучше пошло дело с медициной. Он вспомнил лекции лейпцигских профессоров, таежные охотники снабдили лекарственными травами. Граф Воронцов — его друг и меценат — прислал кое-какие книги и ящик с медикаментами.

Вскоре молва о знающем и отзывчивом лекаре разнеслась далеко за пределы Илимского поселения. Радищев писал Воронцову: «К моим обычным занятиям прибавилось одно, часто мучительное, но сладостное в основе, и если не приятное, то дорогое моему сердцу: я сделался местным врачом и хирургом... Ящик с медикаментами, почти нетронутый, теперь часто открывается».

Александр Радищев передал врачебный опыт и познания в медицине Степану Дьяконову — бывшему крепостному отца. Степан добровольно согласился сопровождать Радищева, а потом и остался навсегда в Сибири лекарем, заменив на этом поприще своего барина...

И вот передо мною одна из книг, на которую «благоволил подписаться» коллежский асессор Николай Афанасьевич Радищев — отец революционера-изгнанника. Для кого он приобрел ее: для себя или для сына, увлеченного медициной, лучшего лекаря Илимской округи? Была ли книга переслана в Сибирь Александру Радищеву? А может, он пользовался ею, когда после ссылки возвратился в имение?

Это пока остается загадкой.

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1847

О ЗНАКОМ «В. Б.»

Вдоль стен его кабинета тянулись открытые полки. На них стояли тысячи книг и брошюр, тома энциклопедии, словари, годовые комплекты «Вестника Европы», «Московского телеграфа», «Отечественных записок», «Современника» и других журналов. И бросая на бумагу фразу за фразой, он протягивал иногда руку, беря нужную книгу. Если же она была на верхней полке, то взбирался на складной табурет, раскрывавшийся в виде лестницы, и как бы возвышался над книжным царством. Книги, книги, книги. Тысячи книг...

Да, Виссарион Белинский любовно собирал свою библиотеку, отдавая ей свободное время и все деньги, которые выкраивал из скудного бюджета.

Библиотеку он начал собирать еще в гимназические годы. А к концу жизни имел уже несколько тысяч книг и журналов. Здесь были сочинения Вольтера и Руссо, Карамзина и Жуковского, Пушкина и Кольцова. Много было книг о Петре Первом. Да разве перечислишь весь книжный арсенал такого бойца, каким был Белинский!

Правда, было в его библиотеке много и дрянных, пустяшных книжонок, годных разве что на макулатуру. Так, Иван Панаев вспоминал:

«Один раз я застал его ходящим по комнате в волнении и с усилием махающим правою рукою.

— Что это с вами? — спросил я его.

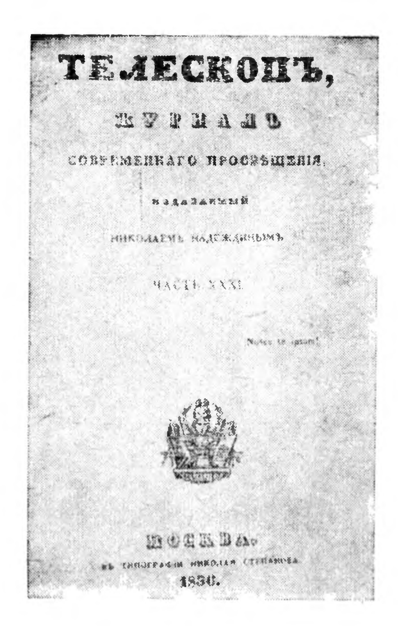
— Рука отекла от писания... Я часов восемь сряду писал, не вставая... Но взгляните, бога ради, сколько книг мне присылают... Какие еще книги — посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадательные книжонки! И я должен непременно хоть по нескольку слов написать о каждой из этих книжонок!»

По заведенной традиции все книги после рецензирования оставались в библиотеке критика.

С 28 мая 1848 года рука хозяина не прикоснулась больше ни к одной книжке, не взяла ни одного журнала. Близкие знакомые и друзья собрали деньги на похороны и, чтоб хоть немного обеспечить семью покойного, решили с согласия его вдовы разыграть в лотерею библиотечку. В то время это был лучший способ продажи большой библиотеки.

Но тут возникли непредвиденные затруднения: на проведение лотереи нужно было получить разрешение правительства. Сотрудник «Отечественных записок» Николай Николаевич Тютчев отправился в знаменитое III отделение к статскому советнику Попову. Уж этот чиновник, без сомнения, должен помочь: он сам когда-то был учителем Белинского. Но произошло следующее:

«Услышав о смерти Белинского, — рассказывал Н. Н. Тютчев, — Попов выразил сожаление о столь преждевременной кончине замечательного критика,

ТЕЛЕСКОПЪ,

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

издаваемый

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ XXXI.

МОСКВА.

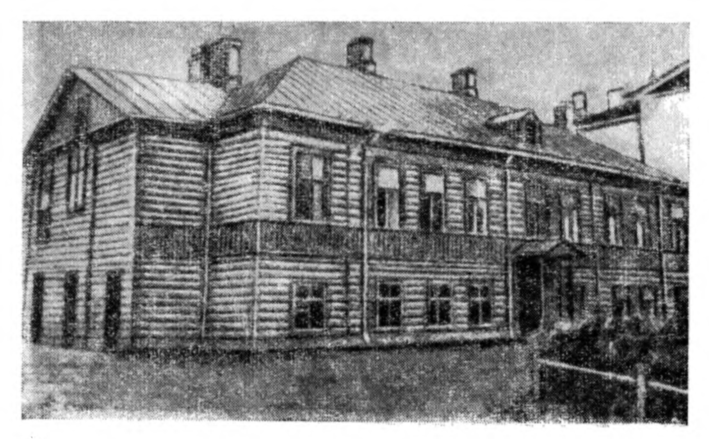
въ типографіи Николая Степанова.

1836.

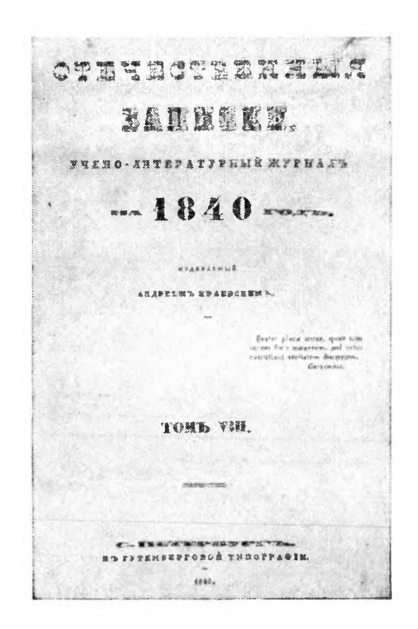
Титульный лист журнала «Телескоп».

но только что я заговорил о лотерее, он весь изменился в лице, окрысился и зашипел на меня: «Это все равно, милостивый государь, как если бы вы просили разрешения на объявление о лотерее в пользу

Флигель во дворе дома № 44 по Лиговской улице, где жил и умер Белинский.

Титульный лист журнала «Отечественные записки».

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1840

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

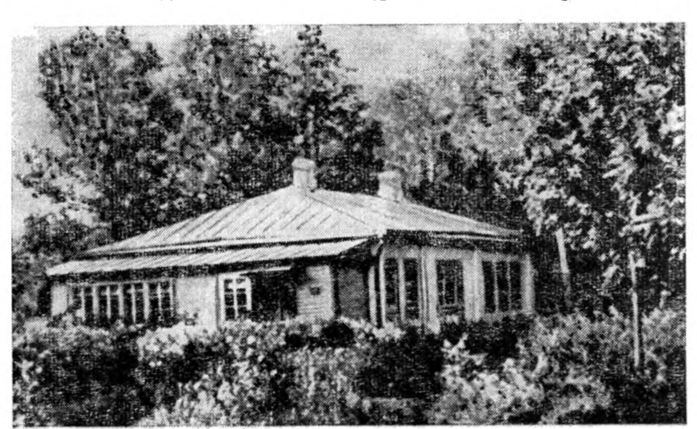
ТОМЪ VIII.

ВЪ ГУТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1840.

семейства государственного преступника Рылеева». Так, не родившись, умерла благородная идея; не удалось друзьям покойного оказать помощь осиротевшей семье.

Спасское-Лутовиново.
Дом, где была помещена библиотека Белинского.

И тогда нашелся один человек, который решил купить себе библиотеку Белинского для того, чтоб поддержать семью умершего друга. Этим покупателем был Иван Сергеевич Тургенев. Он приобрел библиотеку целиком, какой она оставалась до самых последних дней ее прежнего владельца. Однако Тургенев великодушно позволил Белинским забрать из купленной библиотеки любое количество книг, которые могут им пригодиться. Разумеется, они выбрали в основном произведения художественной литературы (да эти издания не так ценны были для Тургенева, ибо имелись в его собственной библиотеке).

Большая библиотека Белинского распалась на две части...

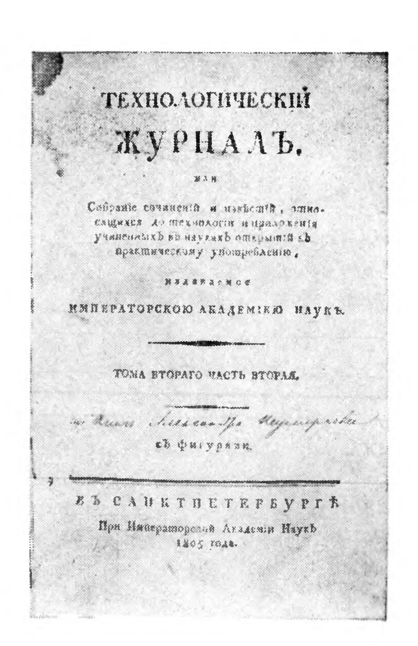
Тургенев перевез купленные книги в Спасское-Лутовиново и поместил в свою библиотеку, не выделяя их особо. Так библиотека Белинского «растворилась» в массе других книг.

Год проходил за годом, десятилетие за десятилетием. Уже в наше время ученые решили выделить из библиотеки Тургенева книги, принадлежавшие когда-то Белинскому. После кропотливого и детального изучения удалось собрать лишь 180 названий. Что стало с остальными книгами, до сих пор остается тайной. Находятся ли они в одном месте у какого-нибудь книголюба или разошлись по рукам, неизвестно.

Как же теперь разыскать эти книги? Как снова восстановить библиотеку замечательного литератора?

Есть один ключ, который может оказать существенную помощь. Белинский, страстно любя и оберегая книги, отдавал их переплетать. Более ценные «одевали» в коленкоровый переплет, менее ценные — в бумажный. И на корешках почти всех этих книг были оттиснуты инициалы их владельца — «В. Б.», то есть Виссарион Белинский.

Эти две буквы и есть тот ключ, который может сослужить большую службу — постепенно восстановить разрозненную библиотеку В. Г. Белинского.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ,
или
Собраніе сочиненій и извѣстій, относящихся до технологіи и приложенія учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію,
издаваемое
ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ.

ТОМА ВТОРАГО ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

съ фигурами.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1805 года.

ИЗ КНИГ АЛЕКСАНДРА НЕУСТРОЕВА“

Как-то вечером я зашел к своему соседу — преподавателю Кишиневского университета.

— Посмотри, какую я книжку у букиниста на днях купил, — сказал он, подавая мне ветхий томик, озаглавленный: «Технологический журнал или собрание сочинений и известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению, издаваемое императорскою Академиею наук». Год издания — 1805 год. — Да ты почитай, о чем писали в технологических журналах сто шестьдесят лет тому назад, — призывал товарищ,

расхваливая свою покупку. И взяв у меня из рук книжку, начал читать вслух заголовки статей. Действительно, некоторые «технологические исследования» вызывали улыбку: «Продолжение рассуждения аббата Манеса о рождении яиц», «О диких каштанах», «О канарейках»... Да и сами статьи, написанные господствовавшим в начале XIX века стилем, были любопытны своею безыскусностью. Например, в статье «Особенное при землетрясении замечание» рассказывалось:

«Некоторый во французском торговом городе Нанте житель пред бывшим там сильным землетрясением между прочим приметил, что собака, которую держал он у себя в покое, не хотела ни пить, ни есть, ни лежать на постланном для нея войлоке; но во всю ночь ходила взад и вперед по горнице, а пред самым землетрясением начала выть, и хозяин, лежа на постеле, почувствовал вскоре трясение, подобное тому, какое бывает в проезд по мостовой возле дома улице от большой и тяжелой повозки. Стоящие на камине часы, пробив 4 часа по полуночи, прежде нежели стрелка дошла до надлежащего места, остановилися. На рассвете спроведал он, что во многих домах печные трубы попадали, штучные полы и окна повреждены...»

Но не заголовки статей и не то, что книга была издана, когда Пушкину шел только шестой год, не ее архаический стиль привлекли мое внимание. Вдоль титульного листа шла надпись, сделанная чернилами: «Из книг Александра Неустроева». Мой товарищ, видно, не обратил на нее никакого внимания. Но я отнесся к ней по-другому.

Александр Николаевич Неустроев был крупным библиографом и коллекционером редких изданий в XIX веке. Родился он в 1825 году в купеческой семье. Не искал он себе ни денег, ни славы, ни чинов. Он был счастлив книгою, много занимался самообразованием и достиг того, что стал одним из культурнейших людей своего времени. Блестяще зная все русские издания, Неустроев решил отдать свои силы и средства на постройку грандиозной библиотеки-

Александр Николаевич Неустроев (1825—1902).

музея. Здесь он хотел собрать все книги, напечатанные на русском и славянском языках.

Широко задуманное предприятие не удалось из-за совершенно непредвиденного обстоятельства.

Для музея книги Неустроев стал строить в Петергофе дом на свои средства. Книги и ценные экспонаты он временно свез в один из незанятых номеров Гостиного двора в Петербурге.

В ночь с 20 на 21 декабря 1856 года какие-то воры взломали дверь и проникли в помещение. Они похитили серебряные вещи и, чтобы замести следы, подожгли оставшееся имущество. К счастью, пожар не распространился. Полиция не помогла Неустроеву в розыске грабителей. Ему возвратили лишь несколько книг, которые нашли на петербургском шоссе.

«Этот грабеж, — вспоминал Неустроев, — расстроил все мои планы и предположения об основании в Петергофе музея...»

Тогда энтузиаст начинает жертвовать собранные им книги, музеям, академиям, библиотекам. И жерт-

вует, пересылая за свой счет не десятками и сотнями, а тысячами. Книги Неустроева шли в Вильно, Вятку, Симбирск, Ташкент, Иркутск и другие города. Если бы перевести на деньги все те ценные издания, составившие 72 тысячи томов, которые он пожертвовал библиотекам и музеям, то сумма составила бы целое состояние.

Неустроев не относился к тем собирателям и коллекционерам, которые держат свое богатство за семью замками. Он описывал книги, составлял каталоги. Ему принадлежит несколько трудов о старинной русской книге и о периодических изданиях XVIII века. Любопытно то, что, когда за его основной труд («Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках в 1703—1802 годах») Неустроеву была присуждена Академией наук премия имени графа Уварова, он не взял ее, назначив тому, кто продолжит его труд и напишет книгу о повременных изданиях и сборниках первой половины XIX века.

Премия эта так никому и не была присуждена, а книга Неустроева об изданиях XVIII века сама сделалась библиографической редкостью. Редкими стали книги из библиотеки Неустроева, особенно с его автографами, они представляют немалую ценность для истории русской культуры.

Зная мою страсть к редким изданиям, к рукописям классиков литературы, товарищ подарил мне эту книгу с автографом Неустроева.

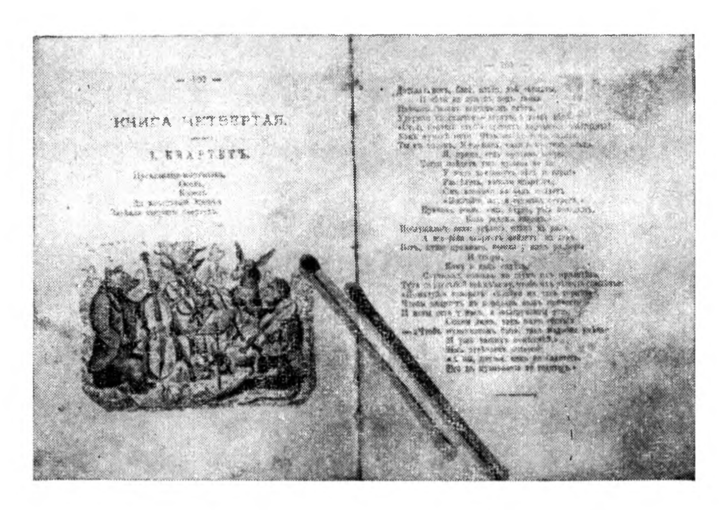
И. А. КРЫЛОВ
СОЧИНЕНИЯ
в двух томах

И. А. КРЫЛОВ
СОЧИНЕНИЯ
том первый
проза

АЛЮТКИ" И. А. КРЫЛОВА

Однажды, когда я закончил лекцию, ко мне подошла студентка-первокурсница со свертком в руках. Развернув его, она протянула миниатюрную книжечку в самодельном переплете. «Вы собираете редкие книги,— сказала она.— Возьмите для коллекции вот и эту. Жаль только, что ни первого, ни последнего листа нет — неизвестно, когда и кем она выпущена». Представьте мое удивление: держу в руках книжку не больше спичечной коробки! Попробовал читать, но тут же от напряжения заслезились глаза. И в эту книжицу, заканчивающуюся 250 страницей, ухитрились

Разворот издания Иогансона.

поместить до двухсот басен и 30 рисунков к ним, и рисунки-то размером с трехкопеечную монету!

Не откладывая, кинулся я к справочникам, к указателям изданий Крылова. Листал, листал, но так и не нашел описания книжки. Экая досада! Сел писать к специалистам в другие города...

День за днем я с нетерпением ожидал ответов. Но, увы, и друзья не смогли удовлетворить мое любопытство исследователя, не сообщили, что за издание. Потом уже, постепенно собирая материал, я узнал историю миниатюрных книжечек-малюток.

Книжка-малютка, которую подарили мне, не единственная в своем роде. Великому баснописцу, как никому другому из поэтов и писателей, посчастливилось быть изданным чуть ли не в микроскопическом формате.

В 1856 году Экспедиция заготовления государственных бумаг в Петербурге отпечатала книжечку басен Крылова размером с почтовую марку! Для этого издания был даже изготовлен специальный микроскопический шрифт диамант, долгое время считавшийся

самым мелким шрифтом в мире. Его отлили не из обычного сплава, которым пользуются в типографиях, а из серебра.

Для кого и для чего нужно было такое издание? Читать книжечку без увеличительного стекла невозможно; поставить на библиотечную полку — затеряется. Издатели, видно, решили удивить библиофилов и как бы сказать: вот, посмотрите, до какого совершенства мы довели печатное искусство!

Один из любителей книг так писал о миниатюрной книжице крыловских басен: «Только крепкие глаза могут читать это издание, а между тем, рассматривая печать в увеличительное стекло, видишь совершенную четкость и правильность наборного и печатного искусства».

Книжка 1856 года была хоть и самой маленькой, но вовсе не первой из миниатюрных изданий басен Крылова. За два десятилетия до нее Александр Смирдин выпустил сборничек басен Крылова с портретом автора. Эта книжечка размером менее спичечной коробки разошлась быстро, и Смирдину пришлось через два года повторить издание.

А кто же все-таки выпустил книжку-малютку, подаренную мне студенткой?

Я запросил отдел редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Заведующая отделом редких книг, пересмотрев имеющиеся в библиотеке миниатюрные издания басен Крылова, нашла то, которое было похоже на мой экземпляр. Называлась эта книжечка-малютка так:

«Полное
Собрание басен
И. А. Крылова
с портретом автора и
иллюстрациями.»

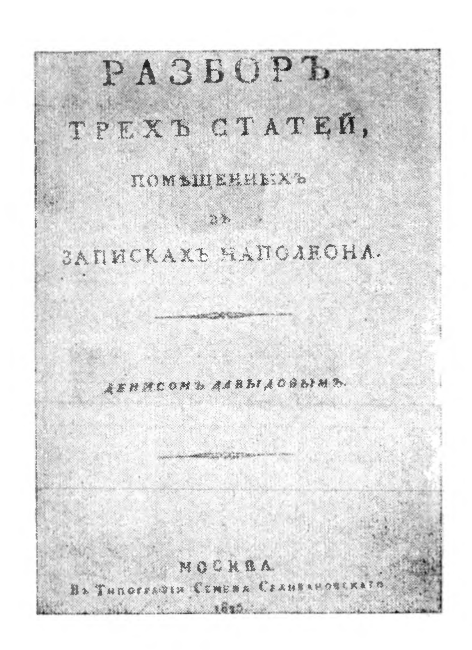
Выпустил «малютку» известный издатель Ф. А. Иогансон; отпечатана она была в Киеве, в типографии С. В. Кульженко, в 1894 году.

Когда ко мне приходят друзья, я иногда стараюсь поразить их то книгой размером в половину сто-

ла — юбилейным изданием «Мертвых душ», то стихотворениями какого-то поэта, напечатанными для оригинальности на круглых листах. И только когда их изумление доходит до предела и ничем, кажется, удивить больше невозможно, достаю из сигаретной коробки «том» басен Крылова. Предлагаю:

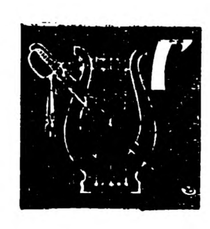
— Ну, а теперь почитаем. Кто возьмется?

Друзья ахают, осторожно держат книжицу двумя пальцами и напрасно напрягают глаза, чтобы разобрать хотя бы одну строчку текста!

РАЗБОРЪ
ТРЕХЪ СТАТЕЙ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ
ВЪ
ЗАПИСКАХЪ НАПОЛЕОНА.

ДЕНИСОМЪ ДАВЫДОВЫМЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Семена Селивановскаго
1825.

УСАРСКОЙ САБЛЕЙ И ПЕРОМ ПИСАТЕЛЯ

За несколько дней до Бородинского сражения к Багратиону обратился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов. Он предложил свой план партизанских действий и попросил дать ему под командование конный отряд, чтобы самостоятельно действовать в тылу неприятеля.

Группа была совсем небольшая: всего-то сто тридцать гусар и казаков, но отважный подполковник повел ее на Смоленскую дорогу. И начались неприятности для французов. Какая-то конная группа без конца не давала им покоя: то обоз с фуражом или боепри-

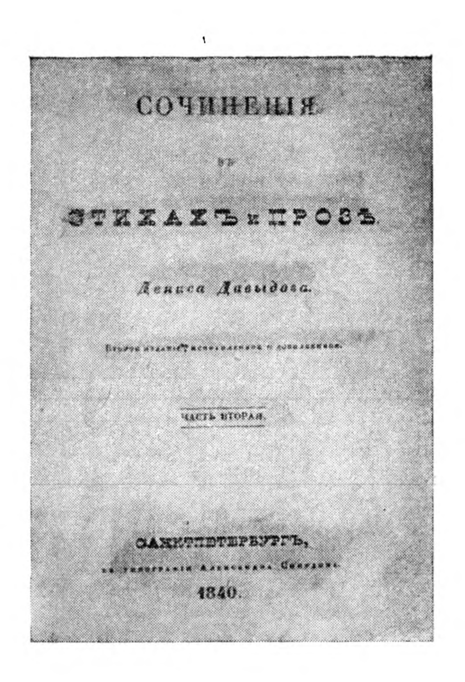

Денис Давыдов.

пасами отобьют, то неожиданно нападут на отставший отряд. Когда же храброму партизану выделили еще шестьсот человек, он неожиданно напал на трехтысячный отряд неприятельской кавалерии и разбил его. Вскоре после этого партизанами был разбит четырехтысячный отряд.

В черном чекмене, красных шароварах и в черкесской шапке, вечно на коне, в походе, Денис Давыдов не знал усталости. Позднее он вспоминал о тех трудностях, которые выпадали на долю партизан: «Путь наш становился опаснее по мере удаления нашего от армии. Даже места, в которых еще не было неприятеля, представляли для нас немало препятствий. Общее и добровольное ополчение поселян преграждало нам путь».

Денис Давыдов рассказывает, что во всех селениях крестьяне закрывали ворота и охраняли свои дома с кольями, вилами, топорами. Приходилось каждый раз посылать кого-нибудь из солдат убеждать жи-

СОЧИНЕНІЯ

СТИХАХЪ и ПРОЗѢ

Дениса Давыдова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1840.

Прижизненное издание сочинений Дениса Давыдова.

телей, что они, мол, не французы, а свои, русские. Жители не всегда верили и, бывало, отвечали пущенным с размаху топором. Но как только они убеждались, что пришли русские партизаны, они меняли к ним отношение: хлеб, пиво, пироги — все сразу же выставлялось солдатам. Денис Давыдов не раз спрашивал жителей, почему они принимали его солдат за французов. Те отвечали примерно так: «Да, вишь, родимый, по одежде-то вы схожи». Давыдов возражал: «Разве я не русским языком говорю?» и получал ответ: «Да ведь у них, батюшка, всякого сброду люди».

Чтобы сойтись ближе с местным населением, Давыдов надел мужицкий кафтан, отпустил бороду, вместо ордена святой Анны повесил на грудь иконку святого Николая и стал разговаривать простым народным языком.

О бесстрашном партизане молва расходится по всему миру: о нем пишут статьи, слагают легенды;

А. Венецианов.
«Крестьянин Иван Долбила...»

Вальтер Скотт украшает его портретом свой кабинет и пишет Давыдову восторженное послание.

Но вот отгремели залпы, воткнуты в землю солдатские штыки. Денис Давыдов жалуется, что надоело ему в мирное время плац-парадов ничегонеделанья «застегивать себе поутру и расстегивать к ночи крючки и пуговицы». В 1823 году он подает в отставку.

Давыдов поселился в симбирском имении жены Верхняя Маза и занялся литературой. Он и до этого был известен в кругу своих друзей и многочисленных читателей как поэт — автор удалых гусарских стихотворений. Однако теперь, взявшись снова за перо, Денис Васильевич заявил о перемене своего литературного жанра: «Не позволяют драться, я принялся описывать, как дрались».

За всю свою жизнь он написал не так много произведений: около ста небольших стихотворений и два десятка военно-исторических и мемуарных статей.

Стихотворения храброго партизана известны многим любителям поэзии: сборники можно найти в любой библиотеке, так как издавались они много раз.

Иллюстрация к сочинениям Дениса Давыдова.

С военными статьями и мемуарами дело обстоит хуже: они публиковались редко, сравнительно небольшими тиражами. А до революции с трудом проходили через цензуру, появлялись искаженными, обезображенными иногда до неузнаваемости. Ко всему прочему «исправляли» статьи Дениса Давыдова не в меру ретивые его родственники. Так, например, Д. Д. Давыдов, редактируя рукописи отца, не только изменял по своему произволу отдельные слова и предложения, но выбрасывал целые страницы из его произведений и даже беззастенчиво вписывал свои рассуждения, выдавая их за отцовские.

Потому, разумеется, и ценны для нас книги, выпущенные еще при жизни самого Дениса Давыдова. Таких книг было три, не считая сборника стихотворений. Остальные работы печатались только в журналах, такие, как «Дневник партизанских действий 1812 года», «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году», интересные по своей живости воспоминания — «Встреча с великим Суворовым» и «О том,

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ.

ЭЛЕГІЯ.

Умолкшие холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу.
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь Гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу; веди меня, я твой:

Лист из книги Давыдова 1863 года.

как я, будучи штаб-ротмистром, хотел разбить Наполеона», и некоторые другие.

Книги Дениса Давыдова, изданные при его жизни, сохранились в небольшом количестве экземпляров. Поэтому коллекционеры уникальных изданий всегда радуются, если им удается присоединить к другим книгам и томики Дениса Давыдова, изданные более ста лет тому назад.

Как-то, будучи в Костроме, я зашел в букинистический магазин. Перебирая старые книги, наткнулся на небольшой ветхий томик «Стихотворений» Дениса Давыдова, изданный в 1832 году книгопродавцем И. Г. Салаевым. Это был первый и единственный сборник стихотворений поэта и партизана, выпущенный при его жизни. Том открывался предисловием «От издателя», в котором рассказывается биография Дениса Давыдова. Исследователи установили любопытный факт: биографию эту написал сам поэт. Книга стихотворений была издана небрежно, вид ее был

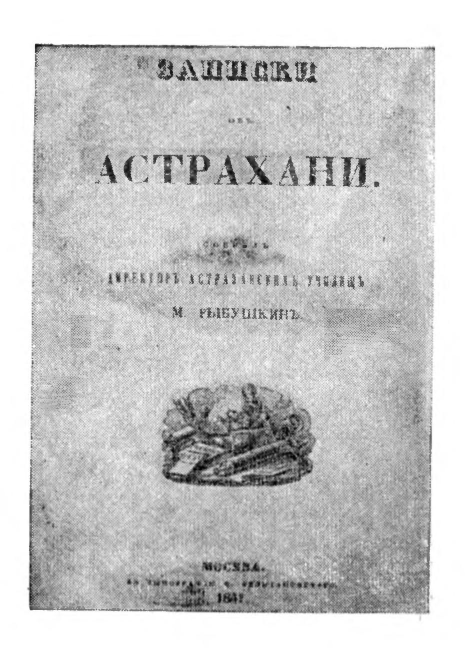
не очень хорош. Это огорчило в свое время автора. Он писал Вяземскому:

«Нет, как ни говори и как ни люби нашу матушку белокаменную, но она весьма отстала от Петербурга даже в красоте книгопечатания; вкусу нет!.. Впрочем, я сам виноват, такие дела не препоручают другим, а требуют надзор хозяина. Будь я в Москве, то издание было бы красивее и не было бы опечаток, которые мне глаза колют. Например, в новой моей пьесе — «Гусарская исповедь» не видели бы: «Где спесь до подлости». А было бы как в оригинале: «Где спесь да подлости»...»

Через некоторое время в Муроме я приобрел не менее редкую брошюру Д. Давыдова — «Разбор трех статей, помещенных в «Записках Наполеона», изданную в Москве в 1825 году.

Древнегреческий философ Демокрит заметил, что мужество делает ничтожными удары судьбы. Этот афоризм очень подходит к Денису Васильевичу Давыдову. Обиженный, обойденный по службе, унижаемый военной аристократией, прозябавший после Отечественной войны на незначительных должностях в провинции, он не падал, однако, духом. «Пока я буду в силах ездить верхом, мыслить и рубить, я всегда буду солдат», — заявлял он в одном из писем. И действительно, как только началась персидская кампания 1826 года, Денис Давыдов снова на поле брани. Солдатом он был в седле, солдатом — за столом писателя.

Так до конца своих дней сражался пером и саблей легендарный герой 1812 года.

ЗАПИСКИ
объ
АСТРАХАНИ.
Собралъ
директоръ Астраханскихъ училищъ
М. Рыбушкинъ.
МОСКВА.
1841.

ШЕВЧЕНКО ИЩЕТ КНИГУ

Книги всегда были лучшими друзьями Тараса Григорьевича Шевченко. Он разыскивал интересные издания, радовался, когда получал от друзей любимые книги и журналы. И когда оказывался в его кошельке лишний рубль, он всегда старался истратить его на книги.

В 1858 году, после каторжной десятилетней солдатчины, Шевченко попал в Астрахань, чтоб с попутным пароходом отправиться в Нижний Новгород.

И вот, обойдя город, Тарас Григорьевич зашел в Астраханский кремль, чтоб полюбоваться красивым

собором. По пути он вспомнил, что есть книга о городе Астрахани.

«По слухам знаю я о существовании книги под названием «Описание города Астрахани», — замечает он в дневнике. — Но о приобретении ее здесь на месте и помышлять нечего. Город, не имеющий книжной лавки, значит, и читателей не имеет, а как бы кстати иметь теперь в руках эту книгу; там, верно, помещены документальные сведения о времени построения Кремля и собора, как главного украшения города. Кто же заменит мне эту дорогую книгу? К кому обратиться мне с моим любопытством?»

Поразмыслив немного, Тарас Григорьевич решил идти прямо в собор, надеясь найти книгу у священника.

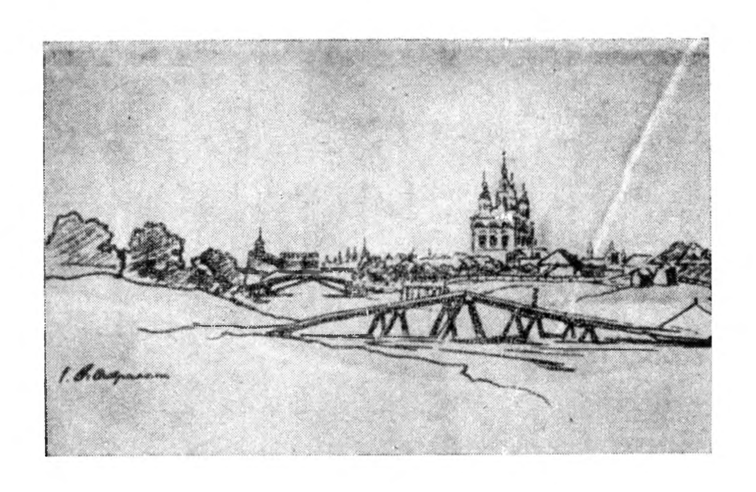
У дверей собора он встретил ключаря — отца Гавриила Пальмова. Тот бросил взгляд на потрепанное пальтишко, на порыжелую шапку Тараса и, не зная, кто очутился перед ним, сослался на занятость. Правда, он тут же смилостивился и обещал побеседовать с Тарасом Григорьевичем в воскресенье, после поздней обедни.

Сняв какой-то чулан с миниатюрным оконцем, выходящим в темный дворик, Тарас Григорьевич снова отправился изучать город. А через день, 11 августа, Шевченко отыскал отца Гавриила, и тот показал любознательному гостю собор и его достопримечательности: евангелие 1606 года, серебряный ковш искусной работы — дар Петра Великого и другие редкости.

Но книжки об Астрахани Шевченко на этот раз так и не раздобыл. У отца Гавриила ее не было, и он предложил обратиться в городскую библиотеку.

Доведись на месте Шевченко быть другому, менее любознательному и настойчивому человеку, он удовлетворился бы рассказами священника о городских достопримечательностях и забыл бы о книге. Но не таков был Тарас Григорьевич. Он писал в дневнике о своих поисках:

«На следующий день, по настоянию отца Гавриила, пошел отыскивать городскую библиотеку. Против губернаторского сквера прочитал я на бледноголубой вывеске: «Публичная библиотека для чте-

В Астрахани.
Рисунок Т. Шевченко.

ния». Браво, подумал я, в Астрахани публичная библиотека! Стало быть, и чтецы имеются. Замарашка-мальчуган указал мне на вход в это святилище, и я благоговейно поднялся во второй этаж и вступил в единственную залу библиотеки. Библиотекарь, в сюртуке с красным воротником и гренадерскими усами, которого я принял за полицейского чиновника, сказал мне, что книги Рыбушкина «Описание города Астрахани» в настоящее время в библиотеке не имеется, а что она находится у бухгалтера общественного призрения Васильева».

Тогда неутомимый Шевченко решил продолжать свои розыски.

Бухгалтер, почтенный старичок, заверил необычного посетителя, что возвратит книжку в библиотеку на следующий день к 9 часам утра.

13 августа Шевченко с лоскутком бумаги и огрызком карандаша пошел в библиотеку, но бухгалтер книгу так и не принес.

Не получив книги в этот день, Шевченко на следующее утро по грязи в проливной дождь опять от-

правился в библиотеку. Но... «сия Публичная библиотека, вероятно, по случаю дождя и грязи, была заперта, и я, поклонившись дверям сего недоступного, таинственного святилища, ушел восвояси с миром, дивясь бывшему».

Так и не нашел Шевченко этот неуловимый справочник об Астрахани.

Я достаю эту книгу с полки, на которой стоят у меня редкие старинные издания. Ко мне она попала куда легче. Лет пять тому назад я купил ее из любопытства в саратовском букинистическом магазине и лишь позднее узнал, что именно это издание так упорно, но тщетно искал Тарас Шевченко.

Пусть сама по себе старая книжка под названием «Записки об Астрахани» оказалась незначительной по содержанию, некрасивой по оформлению, но она всегда напоминает об очень дорогой для меня черте характера опального украинского поэта: нечеловеческие условия десятилетней каторги не сломили его, не угасили в нем жадность к знанию, настойчивость, горячую любовь к книге.

ПРОПАВШАЯ РУКОПИСЬ

Иван Александрович Гончаров не заботился о сохранении рукописей своих произведений. Он совал их повсюду, а потом и сам зачастую не мог отыскать: иногда сжигал, раздавал друзьям, выбрасывал. Удивлялся, когда знакомые, обеспокоенные участью его черновиков, предлагали сдавать их на хранение в библиотеку. «Зачем? Для чего?» — пожимая в недоумении плечами, спрашивал он.

Когда в 1888 году В. В. Стасов обратился к Гончарову с просьбой передать на хранение в Публичную

библиотеку все бумаги и особенно рукопись статьи «Мильон терзаний», тот отвечал:

«Многоуважаемый Владимир Васильевич, Вы так категорически заявили желание получить от меня, для хранения в Императорской публичной библиотеке, какие-нибудь черновые рукописи моих уже напечатанных сочинений, что я, после довольно энергического возражения, наконец, уступил. «Не спорь с В. Стасовым», — завещал Тургенев и «злу не противься», — поучает граф Лев Толстой. Я и не спорю более, между прочим, потому, что я слишком слабый противник для Вас и у Вас, конечно, на «беззащитные седины не поднялася бы рука». Не «противлюсь и злу» — потому что особенного зла в Вашем требовании не вижу, кроме только того, что не совсем понимаю причину этого требования. Не исполнить последнее даже довольно трудно: это все равно, если б Вы попросили у меня старого изношенного платья — и я бы отказал, а старая рукопись — не то же ли самое, что изношенное платье?»

И все же до нас не дошла масса писем, полученных Гончаровым от видных ученых и писателей, не сохранились черновики многих его произведений и даже рукописи очерков «Мильон терзаний», «Памяти А. В. Никитенко», романа «Старики». К числу пропавших рукописей относится и неопубликованная повесть о пепиньерке[1].

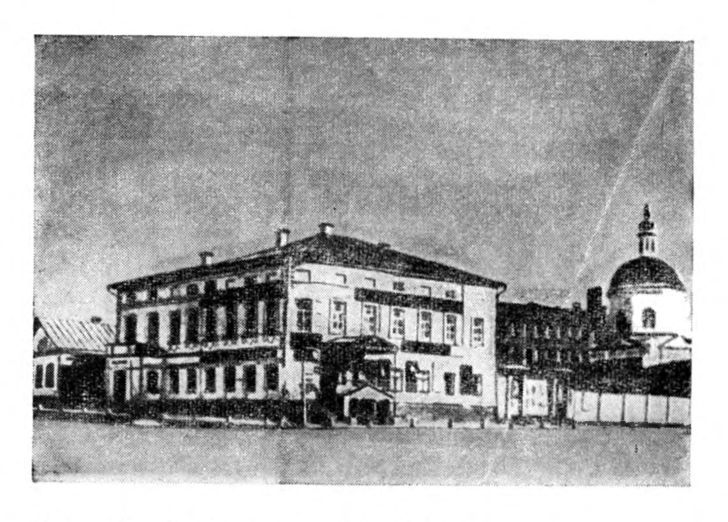
Пользуясь забытыми на страницах старых газет и журналов воспоминаниями современников о Гончарове, его письмами, попытаемся восстановить забытую историю.

Видимо, никто бы не узнал о существовании повести «Пепиньерка», если б сам Гончаров не упомянул о ней в одном из писем. Это было письмо к близкой знакомой — Екатерине Васильевне, дочери симбирского помещика Василия Толстого. Гончаров писал ей 8 сентября 1855 года:

«Вы недавно спрашивали меня о «пепиньерке» — вот она. Я с трудом отрыл ее в куче старых моих

---

[1] Пепиньерками в институтах называли воспитанниц педагогических классов.

Дом в Симбирске, где родился Гончаров.

рукописей... Когда минует надобность, возвратите мне рукопись вместе с книгами Тургенева, Писемского, Нового поэта[1], альманахами...»

Что же это была за пепиньерка, о которой написал повесть Гончаров? Воспоминания всех современников писателя сходятся на одном: то была гувернантка в доме его сестры Александры Александровны Кирмаловой — Варвара Лукинична Лукьянова. Познакомились они в 1849 году, когда Гончаров приехал погостить из Петербурга.

Лето этого года в Симбирске выдалось особенно благодатным. Тишина и полное спокойствие волжского городка, безоблачная лазурь неба и тенистая усадьба с большим парком, раскинувшимся над Волгой, располагали после шумного Петербурга к неге и мечтательности.

В первые же дни по приезде Гончаров побывал в местном театре, посетил нескольких помещиков, с которыми так упорно и настойчиво знакомил его брат.

---

[1] Псевдоним И. И. Панаева.

Портрет Гончарова в 1847 году.

Жителей городка, взволнованных приездом тогда уже известного столичного писателя, окончательно покорил его весьма представительный вид. Был Гончаров среднего роста, уже полнеющий, с белыми выхоленными руками. Голубовато-серые глаза его смотрели на все внимательно и чуть насмешливо. И одет он был безукоризненно; в модных серых брюках с лампасами, в визитке, в ботинках с лакированными носками. На резиновом шнуре болтался монокль-«одноглазка», а чуть ниже тянулась золотая цепочка часов с замысловатыми брелоками: ножичком, вилкой, окороком, бутылочкой... Только и разговоров было что о столичном госте у симбирских домоседов-помещиков, их сентиментальных дочек!

Но постепенно визиты надоели Гончарову, захотелось тишины и уединения. С утра он уходил на берег Волги или подолгу лежал в обвитой зеленью беседке.

Вскоре, однако, одиночество снова нарушилось.

В Симбирск приехала его сестра с детьми и гувернанткой.

Гувернантка Варя была на редкость красивой девушкой. Высокая и стройная, с тонкими чертами лица, умными глазами и пышной косою каштановых волос, она произвела на Гончарова сильное впечатление. Целыми часами бродили они у волжского обрыва, уходили в поля, обошли все окрестности городка. Им казалось порою, что только они вдвоем и живут в этом сонном и разморенном жарою Симбирске, что никому нет дела до них. Увлеченные друг другом, они и не замечали, как из-за каждой занавески или оконной шторы следили за ними десятки любопытных глаз. Гончаров писал тогда одной из своих знакомых:

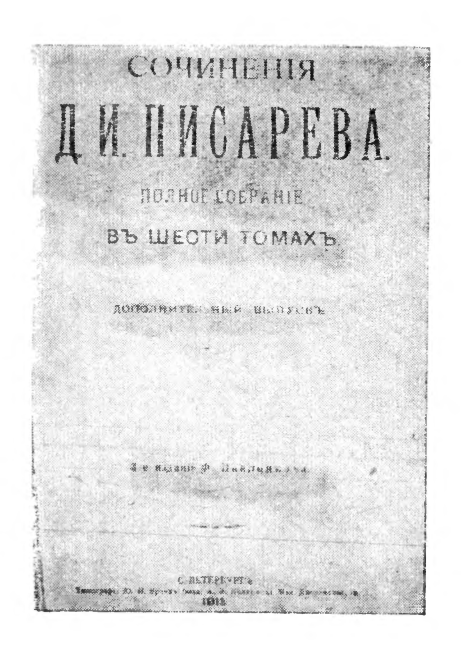
«Мужья здесь ревнивы и сердиты, вечера коротки, ночи темны, собаки многи и злы... никак нельзя пропасть из дому так, чтобы не знали куда. Сидишь в одном доме, а в десятке других знают об этом. Пропал было я раз на целый день, перебывал нарочно в местах четырех, чтоб замести всякий след за собой, и, наконец, добрался до пятого места... «Чей кучер?» — спрашиваю. «Да ваш: матушка лошадь прислала, дождь идет...» Гончаров в те привольные летние дни и пишет повесть о пепиньерке.

Вскоре он делает Варваре Лукиничне предложение, но неожиданно получает отказ.

Через некоторое время Лукьянова выходит замуж за артиллерийского офицера Павла Лебедева. Когда же она овдовела, Гончаров снова делает предложение и снова получает отказ.

...Год шел за годом. Гончаров достиг зенита славы всеобщего признания. Но он так и продолжал жить одиноко до конца дней.

Повесть же о пепиньерке, написанная под первым впечатлением большого и светлого чувства, пропала бесследно. Может быть, Екатерина Васильевна Толстая не возвратила ее автору? А может быть, и сам он, беспечный в хранении своих рукописей и документов, уничтожил ее.

СОЧИНЕНІЯ
Д. И. ПИСАРЕВА.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВЫПУСКЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СКВОЗЬ РОГАТКИ ЦЕНЗУРЫ...

Н. К. Крупская писала в воспоминаниях о Ленине: «Меня пленила резкая критика крепостного уклада Писаревым, его революционная настроенность, богатство мыслей. Все это было далеко от марксизма, мысли были парадоксальными, часто очень неправильны, но нельзя было читать его спокойно. Потом в Шуше я рассказывала Ильичу о своих впечатлениях от чтения Писарева, а он мне рассказал, что сам зачитывался Писаревым, нахваливал смелость его мысли. В его шушенском альбоме среди карточек

любимых им революционных деятелей и писателей, была и карточка Писарева».

Ленин, Крупская и другие революционеры могли читать в свое время сочинения Писарева только в издании Павленкова. Об одной из книг, выпущенных этим издателем, и хочется рассказать.

Июньским днем 1868 года в зал Петербургской судебной палаты был введен издатель — отставной поручик Флорентий Федорович Павленков.

Дело заключалось в следующем. В цензурный комитет представили книгу — вторую часть сочинений Д. И. Писарева. Отпечатана она была в 3000 экземпляров в типографии А. Головачева. Цензоры пришли к единодушному мнению, что статья Писарева «Русский Дон-Кихот» «под формой литературной критики заключает в себе осмеяние нравственно-религиозных верований и отрицание необходимости религиозных основ в просвещении и нравственности, составляет закононарушение» и что статья «Бедная русская мысль» также «составляет, как по прямому смыслу, так и по вытекающим из нее категорическим заключениям, закононарушение...».

Так издатель Флорентий Павленков, посмевший выпустить книгу с этими статьями Писарева, оказался на скамье подсудимых.

Медленно, с достоинством поднялся дородный прокурор Тизенгаузен. И не такие дела прошли сквозь его руки, и не таких мелких сошек упекал он в «места отдаленные». Прокурор не играл словами, а подробно, со знанием дела изложил основные положения статей Писарева, подрывающие религию и монархическую власть. Закончил он обвинительную речь предложением оштрафовать Павленкова на 300 рублей, а статьи «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль» из книжки вырезать и уничтожить.

Так и не меняя самоуверенного выражения, прокурор грузно опустился в кресло. Председатель суда дал слово обвиняемому.

Флорентий Павленков не поднялся, а прямо подскочил на месте. Живые темные глаза его засвети-

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕССЪ

по 2-й части

„СОЧИНЕНІЙ Д. И. ПИСАРЕВА“.

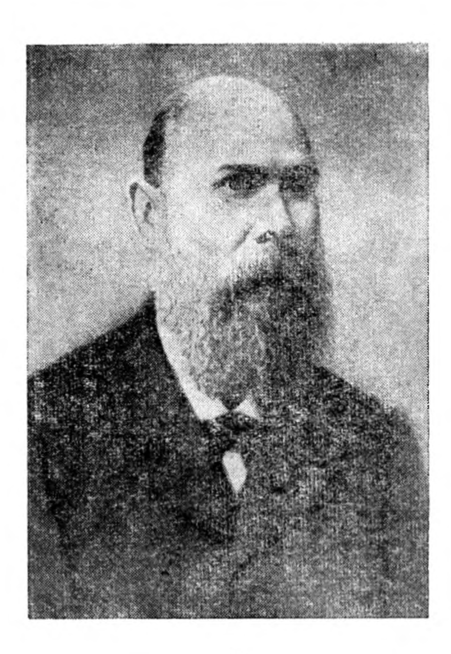
Стенограмма судебного процесса в «дополнительном выпуске» шеститомника.

лись огоньками. А дальше пошел такой диалог между обвиняемым и председателем суда.

«Павленков. Господин прокурор сказал, что нужно прежде всего быть последовательным, между тем все его обвинения есть не что иное, как одно сплошное противоречие с прежней практикой прокурорского надзора. Если не ошибаюсь, прокурорская власть имеет целью наблюдение за охранением закона, т. е. за правильным и, следовательно, более или менее *единообразным* его применением. Но...

Председатель. Я вас прошу воздержаться от обсуждения прокурорских обязанностей. Говорите только то, что может послужить к вашему оправданию.

Павленков. В обсуждение действия и обязанностей прокуратуры я не вхожу. Я заявляю только о противоречиях. Мне кажется, что если г. Тизенгаузен может говорить о *моем* будто бы противоречии, то и я не могу быть лишен права говорить о *его* противоречиях.

Флорентий Федорович Павленков

Председатель. Вы этим себе не поможете. Говорите непосредственно о деле...»

Флорентий Павленков, издатель статей Писарева, оказался не таким безобидным, как полагали о нем председатель суда сенатор Чемадуров и прокурор Тизенгаузен. Его защита была скорее нападением, издевкой над цензурой, судом, самодержавным управлением России. Подсудимый умно, с несокрушимой логикой разрушал то, в чем обвинял его прокурор, и даже позволял себе кое-где иронизировать над судьями и законами. Павленкова несколько раз останавливали, требовали осторожности в выражениях.

Выступление подсудимого было блестящим, доводы настолько вескими и неоспоримыми, что даже судебная палата вынесла приговор в его пользу: «Отставного поручика Флорентия Федоровича Павленкова, 28 лет, признать оправданным, а арест, наложенный С.-Петербургским цензурным комитетом на напечатанную Павленковым 2-ю часть сочинений Д. И. Писарева, снять».

Взбешенный прокурор Тизенгаузен сделался краснее меди. Но он решил не сдаваться: подал в сенат протест против приговора суда и требовал опять своего — издателя оштрафовать на 300 рублей, статьи Писарева уничтожить.

14 мая 1869 года состоялось публичное заседание сената. Из крепости на суд снова привезли содержащегося под стражей подсудимого Павленкова. Он был, как и прежде, совершенно невозмутим, только заметно впали щеки да лихорадочным огнем горели глаза.

Обвинителем был на этот раз обер-прокурор Ковалевский. Шесть сенаторов решали дело. Наконец вынесли определение: подсудимого Павленкова «от наказания по настоящему делу освободить, а перепечатанную им статью Писарева «Бедная русская мысль» уничтожить...».

Итак, как будто бы рушилась затея прогрессивного издателя довести до публики одну из наиболее революционных статей незадолго до этого погибшего Писарева.

Но Павленков был удивительно находчив. Очутившись на свободе, он все же нашел способ сохранить осужденную на уничтожение статью Писарева, обойдя и на этот раз цензуру, но уже «на законном основании».

Еще перед судебным заседанием он привел стенографиста, который записывал и речь прокурора и речь защитника. А так как тот и другой в своих выступлениях приводили обширные цитаты из крамольной статьи Писарева, то по существу вся «Бедная русская мысль» была ими воспроизведена. Процессы гласного суда печатались тогда без прохождения цензуры. Флорентий Павленков воспользовался этим и ввел стенографический отчет в специальный дополнительный том к собранию сочинений революционера-демократа.

«Судебное преследование, — пишет в своих воспоминаниях В. Г. Короленко, — не помешало появлению статьи, а только содействовало ее огласке».

Трудно представить злобу раздосадованных членов цензурного комитета!

За Павленковым и до этого был учрежден надзор полиции, теперь же с него не спускали глаз. Но издатель твердо придерживался своей линии в издании трудов Писарева. Еще раньше не кто иной, как Павленков, организовал похороны юного критика. Причем гроб он заказал без креста, а на могиле произнес горячую речь о высоких достоинствах своего любимого литератора. III отделение дало указание произвести в квартире Павленкова обыск, а сам он был посажен и затем выслан в одну из отдаленных губерний России.

Статьи Писарева, изданные Павленковым, на протяжении многих лет были грозою для царского правительства. Директор департамента полиции предупреждал начальника Главного управления по делам печати в мае 1894 года:

«В департаменте полиции получены сведения, что 20-го числа текущего мая предполагается выход в свет собрания сочинений Писарева издания Павленкова. По имеющимся указаниям, обстоятельство это вызывает в некоторых слоях общества и в особенности в среде учащейся молодежи, заметное волнение и толки о том, насколько легально будет означенное издание и будет ли оно доступно для всех желающих приобрести его. Между прочим, студенты и другие представители учащейся молодежи принимают уже ныне меры к сконцентрированию денег на покупку поименованного сочинения в руках нескольких лиц, чтобы сразу же по выходе, а может быть даже до выхода в свет, приобрести таковое в значительном количестве».

Шеститомник Писарева издавался Павленковым для того времени довольно большими тиражами. Вот почему эти книги нередко можно встретить в наших крупных библиотеках и на полках коллекционеров. Но одну книжку статей Писарева найти труднее. Это «Дополнительный выпуск» к шеститомнику. В нем впервые была опубликована статья Писарева «Бедная русская мысль», которую так настойчиво не пропускала цензура, статья о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», а также стенограмма «Литературный процесс по 2-й части сочи-

Дмитрий Иванович Писарев.

нений Писарева». Этот отчет о процессе, как ни пытался Павленков опубликовать его в предшествующих изданиях, цензура всегда вырезала.

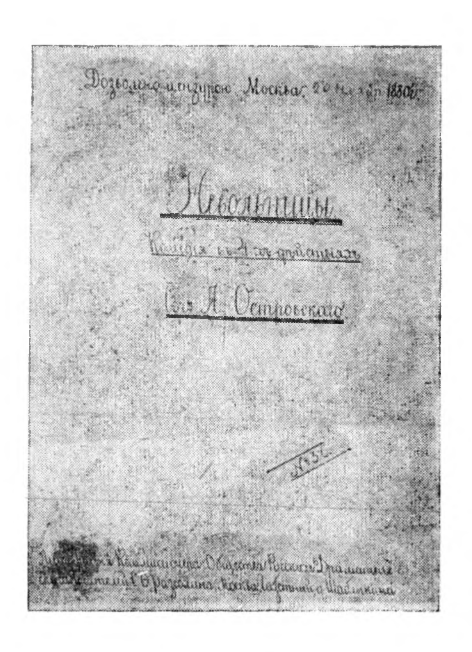
Один из экземпляров «Дополнительного выпуска» я нашел несколько лет тому назад в Сибири. Любопытен он был тем, что его владелец (по-видимому, политический ссыльный) вклеивал между листов книги вырезки из статей Писарева, Плеханова. Здесь был и листочек с переписанным от руки отрывком из статьи Писарева о брошюре Шедо-Ферроти, за которую Писарев попал на четыре года в Петропавловскую крепость:

«Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляют единственную цель и надежду всех честных граждан России. Чтобы, при теперешнем положении дел, не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла.

Посмотрите, русские люди, что́ делается вокруг нас, и подумайте, можем ли мы дольше терпеть насилие, прикрывающееся устарелою фирмою божественного права. Посмотрите, где наша литература, где народное образование, где все добрые начинания общества и молодежи. Придравшись к двум-трем случайным пожарам, правительство все проглотило; оно будет глотать все: деньги, идеи, людей, будет глотать до тех пор, пока масса проглоченного не разорвет это безобразное чудовище. Воскресные школы закрыты, народные читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народ и идею. Петербург поставлен на военное положение, правительство намерено действовать с нами, как с непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примирения нет. На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать.

Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы».

НА ЧЕРДАКЕ СТАРОГО ДОМА

Какое приятное чувство испытываешь, когда держишь в руках новенькую книгу в красивом переплете, ставишь ее к другим таким же на полку или в застекленный шкаф! Я радуюсь светло-зеленым томам Льва Толстого, темно-вишневым Герцена и чуть посветлее Маяковского. А вот десять томиков Пушкина поместились рядом с «Историей искусств» Гнедича.

Просматривая книги своей библиотеки, я всегда останавливаю взгляд на грубо переплетенной тонкой книжке. Это даже не книжка, а скорее тетрадь в со-

рок восемь листов, исписанная с обеих сторон красивым почерком. Да и тогда, на первый взгляд, эта книжка показалась мне именно простой тетрадью.

А случилось так.

Лето 1937 года я проводил в городе Иваново. Было мне тогда пятнадцать лет, и ни о какой профессии учителя или литературоведа я не задумывался. Но читать любил и часто целые дни и вечера просиживал за книгой. У родственников, где я гостил, книг оказалось мало. Брат стал приносить их мне от соседей, и вскоре я перечитал все, что можно было достать поблизости. Стало как-то скучно.

— Да ты бы слазил на чердак. Помнится, там валялись какие-то книжки. Может, что и найдешь, — сказала мне однажды бабушка.

Помню, как я зашел в темный чулан, на ощупь отыскал лестницу на чердак, открыл люк и просунул голову.

Конусом вверх уходила крыша, перерезанная ребрами стропил. В полумраке вырисовывались коричневые дымоходы печей, напоминавшие остовы каких-то мрачных сооружений средневековья. Я поднялся на чердак и осмотрелся. Как все тихо, мертво! Здесь и облезлый старый чемодан, и стулья без ножек, покрытые толстым слоем пыли, и перевитые паутиной старые оконные рамы без стекол.

Я обошел чердак, присматриваясь к каждому предмету. В углу стоял разбитый деревянный сундук, на дне которого валялось несколько книг, так густо покрытых пылью, что трудно было прочесть заглавия на переплетах. Осторожно сложив их стопкой, подошел к чердачному окну и какой-то ветошкой стал сметать пыль. Это были старые школьные учебники. Я отложил в сторону лишь несколько номеров журнала «Вокруг света» за 1929 год и тут только заметил странную тетрадочку в голубом картонном переплете. Раскрыв ее, на первой странице прочитал:

«Дозволено цензурою. Москва 20 ноября 1880 года.

Невольницы.

Комедия в 4-х действиях. Соч. А. Островского».

В самом низу листка стояло:

«Литография комиссионера Общества русских драматических писателей С. Ф. Рассохина. Москва, Газетный, д. Шаблыкина».

— Ну вот и забирай свое богатство, — посмеялась бабушка. — Как это от мышей-то уцелело!

Она отдала журналы и тетрадь в мое полное распоряжение.

Тогда на эту литографированную тетрадку я не обратил особого внимания; меня больше привлек журнал «Вокруг света». Но сейчас я, конечно, отношусь к ней по-иному.

Передо мною литографированное издание этой комедии — первое издание. Размноженное в небольшом количестве экземпляров, оно стало библиографической редкостью.

Да и мало кому известно, как «печаталась» эта книга, не ясен смысл слов: «литография С. Ф. Рассохина».

Перепиской ролей для артистов часто занимались в XIX веке библиотеки. Напечатанные типографским способом, пьесы были в то время довольно редки. Чаще всего они переписывались от руки и продавались по высокой цене артистам, любителям-театралам. Библиотека Рассохина занималась также и литографированием. Текст воспроизводился на цинковых или алюминиевых пластинках, а затем перепечатывался с них на листы бумаги.

Предприниматель Рассохин содержал на Тверской улице в Москве большую библиотеку. К нему приходили артисты, музыканты, писатели-драматурги. Здесь скупались и переписывались рукописи драм, музыкальные произведения, заключались договора на расписку пьес по ролям, литографирование... Коммерческое предприятие из года в год расширялось.

Но если бы читатели походили по библиотечным кабинетам, что размещены в бельэтаже большого дома, они не нашли бы переписчиков, усердно склонившихся над столами. Их нужно было искать в другом конце Москвы.

В грязной и темной ночлежке Хитрова рынка, в сером доме с обвалившейся штукатуркой, где хму-

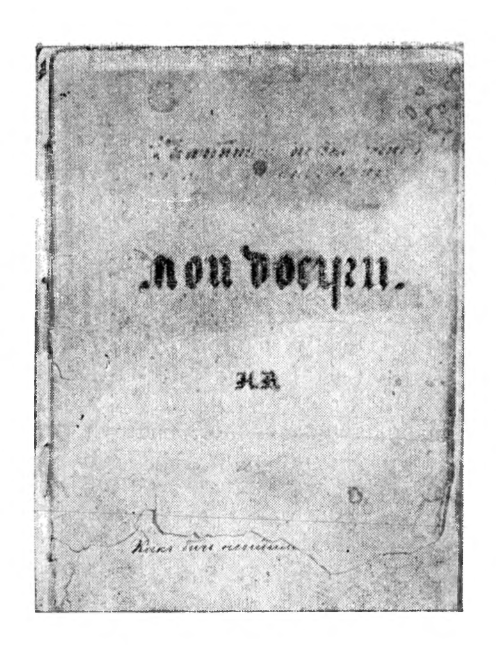
ро поблескивал глазами окон полуразбойничий трактир с метким прозвищем «Каторга», работали переписчики Рассохина.

Нищие переписчики сидят в полутемной комнате вокруг большого и грязного стола, с которого не сходит водочная посуда, селедка и соленые огурцы. В рубахах с оторванными по локоть рукавами, с отечными лицами, заросшими бородами, вечно голодные, они напоминают каторжан. Тускло горят ночники, бросая желтые блики на листы бумаги, пузырьки с чернилами. В комнате по соседству, где вповалку лежат нищие, слышится ругань, плач детей. Переписчики работают молча, не разгибая спины. Порою, если работа срочная, они не спят всю ночь. Лишь время от времени кто-нибудь из них, забрав порожние бутылки и надев опорки, одни на четверых, спускается в трактир и приносит водку, в которую для крепости кабатчик добавляет табачного настоя.

К утру работа закончена. «Старшой» собирает исписанные красивым почерком листы и уходит к хозяину. Через час возвращается он от Рассохина, и каждый из переписчиков получает по двадцать-тридцать копеек за свой труд, как раз столько, чтобы хватило опохмелиться и купить у нищих хлебных кусков.

А хозяин библиотеки Рассохин живет на широкую ногу. «Огромнейшие деньги получала библиотека, наживая с заказчиков в десять раз больше, чем платила своим «писакам», как их звали на Хитровке», — вспоминал писатель Владимир Гиляровский, частый посетитель ночлежных домов Хитровки, друг обездоленного и бездомного люда...

Я держу в руках тетрадочку, подолгу и с уважением разглядываю пожелтевшие листы, ровные буквы красивого письма, которые вывела рука одного из этих нищих переписчиков.

КТО ТАКОЙ «Н. В.»?

Зная мою страсть к старинным редким книгам, некоторые из сотрудников городской газеты нередко разыгрывают меня. То расскажут о какой-нибудь «загадочной» книге в Старом Кузнецке и так картинно опишут ее, что я, невзирая на дождь и слякоть, еду ее разыскивать; то выдумают старика или старуху, которые встречались с Львом Толстым или Горьким, и даже вручат мне несуществующий адрес. А потом посмеиваются: здорово, мол, мы тебя разыграли! Наученный горьким опытом, я привык к таким проделкам и принял как

должное, когда один из друзей-журналистов сообщил мне:

— Идем в секретариат, там для тебя старинную рукопись нашли.

И видя, что я отнесся к этому очень скептически, чуть не насильно потащил к секретарю редакции газеты.

Каково же было мое удивление, когда мне протянули старую тетрадочку. На какой-то миг мелькнуло подозрение — подделка! Но как только тетрадь очутилась у меня в руках, я тут же убедился: ни о какой фальсификации не может быть и речи.

В ней было 45 плотных, уже пожелтевших листов, содержавших около двадцати стихотворений. Под некоторыми из них даты — 1854—1855 годы. Автор называл рукопись — «Мои досуги», а вместо имени и фамилии поставил на титульном листе лишь две буквы — «Н. В.».

Перебрав в уме с десяток фамилий, покопавшись в справочниках и ничего не разузнав, я стал внимательно перечитывать стихотворение за стихотворением.

С первых же страниц шли стихи о Крымской войне, о России, размышления о смысле жизни, смерти и бессмертии.

Но в середине тетрадочки стихи приобрели уже другой характер. Автор, как видно, заинтересовался устным народным творчеством. Не отсюда ли родилось у него стихотворение «Песня»:

Эх, пройди скорей, ночь туманная,
Прокатися ты, нежеланная!
Уведи с собой тучи черные,
Ветры буйные, непокойные!
И без вас томит непогодушка
Добра молодца... зла невзгодушка.
Отуманила лицо белое,
Истерзала в нем сердце смелое...

Кто же все-таки автор этих строк?

Когда я во второй раз более внимательно перечитывал стихи, то на одном задержался. Оно было озаглавлено «Послание к селу Кудымкару». Поэт так красочно и точно описал село, быт жителей, что

Пѣсня.

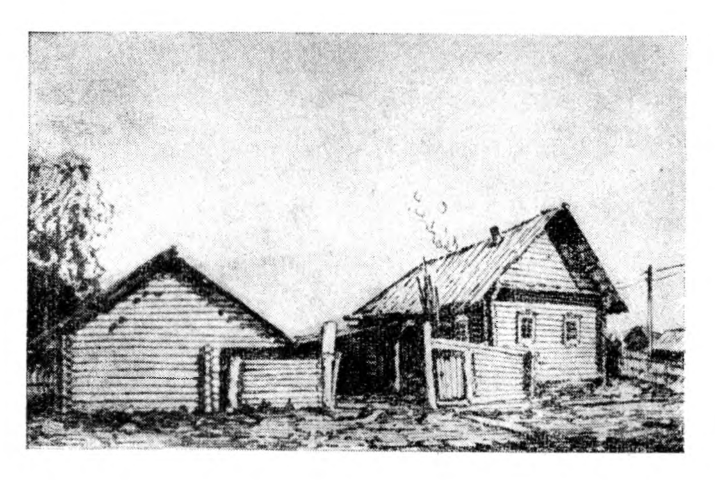
Эхъ пройди скорѣй, ночь туманная,
Прокатися ты, не желанная!
Уведи съ собой тучи черныя,
Вѣтры буйные, непокойныя!
И всѣ [illegible] непогодушки
Добра молодца! Зла невзгодушка
Отуманила лице бѣлое,
Истерзала въ немъ сердце смѣлое...

Эхъ ты долюшка не желанная,
Ты головушка безталанная!
Все, что снилося, что мнилося,
Все, что видѣлось — укатилося...
Позабыть [illegible] — нельзя думать,

Песня. Факсимиле.

оно даже через сто с лишним лет предстает, словно только что увиденное. Без сомнения, автор долгое время жил там.

Я задумался. «Кудымкар», «Иньва», «Пермский диалект»... Рука потянулась к тому Большой советской энциклопедии. Действительно, есть такой город Кудымкар — центр Коми-Пермяцкого национального

Дом крестьянина-пермяка.

округа. Узнаю из энциклопедии, что возник он в XVI веке; до революции был селением с несколькими мелкими кустарными предприятиями. В 1938 году село переименовано в город.

Не знаю, сколько времени ломал бы я голову над интересующим меня вопросом, если бы неожиданно не вспомнил об одном из своих знакомых. Несколько лет тому назад я познакомился заочно с филологом из Перми Александром Кузьмичом Шарцем. Он как-то сообщил мне в одном из писем, что работает над составлением «Словаря псевдонимов уральских писателей, поэтов и журналистов». Ну не ему ли знать, кто из поэтов Приуралья подписывался буквами «Н. В.»!

Письмо от Александра Кузьмича не заставило себя долго ждать. Увы, ничего определенного он не мог сказать, но пообещал продолжить разыскания.

Из Коми-Пермяцкого окружного музея, куда я написал, сообщили, что «Н. В.» — это Николай Воронцов, один из служащих графа Строганова. Некоторые из его стихотворений публиковались во второй половине XIX века в газете «Екатеринбургская неделя». Большего о поэте сообщить ничего не могли.

Как же попала тетрадочка стихов Николая Воронцова в Сибирь? Можно предположить следующее. После отмены крепостного права в 1861 году в Коми-Пермяцком округе произошли большие волнения. В революционно-демократическом органе «Колокол», издававшемся А. И. Герценом в Лондоне, появилась статья «Сечение и убийство крестьян в Пермской губернии». После жестокого подавления волнений многие коми-пермяки, крестьяне и мелкие чиновники, были отправлены в ссылку. Возможно, в числе сосланных в Сибирь был и поэт-пермяк Николай Воронцов.

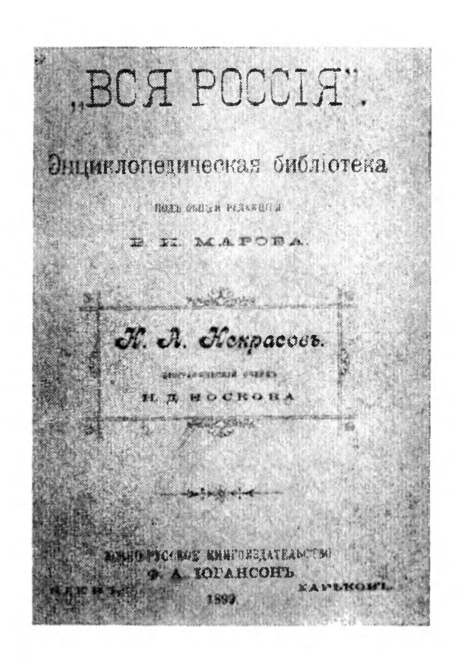
Оставалось еще невыясненным: издавались ли стихотворения Николая Воронцова отдельными книгами; сохранились ли его рукописи в архивах или у частных лиц; где провел он свою жизнь; с кем из писателей был связан?

Пока я строил догадки, выдвигал предположения, А. К. Шарц занимался поисками таинственного «Н. В.». Он установил, что фамилия коми-пермяцкого поэта не Воронцов, как сообщили мне работники музея, а Воронов, Николай Васильевич Воронов. Он был сыном усольского крепостного солевара. Читать и писать научился у дьячка, а потом поступил в начальную школу. Способного мальчика взяли переписчиком в контору Кудымкарского правления графа Строганова. Николай Воронов много ездил по России, бывал в Сибири. Вероятно, в одну из поездок он и оставил там тетрадочку своих стихов.

«В январе 1905 года, — пишет А. К. Шарц, — Воронов находился в Петербурге и принял участие в шествии к Зимнему дворцу, причем шел в первых рядах с иконою в руках. Николай Васильевич домой не вернулся. Он был сражен первыми выстрелами».

По рассказам Марии Николаевны, дочери Воронова, ее отец был высокого роста, плечистый, с огромной белой бородой. Он стоял окровавленный на коленях, с поднятыми к небу руками и кричал: «Кровопийцы, вам отомстят!»

Так была раскрыта тайна псевдонима «Н. В.».

„ВСЯ РОССІЯ".

Энциклопедическая библіотека

Н. А. Некрасовъ.

Н. Д. НОСКОВА

Ф. А. ЮГАНСОНЪ

ХАРЬКОВЪ.

НЕНАЙДЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Читатели популярного журнала «Нива» были приятно удивлены. В одной из книжек журнала за 1917 год появилась новая повесть Николая Алексеевича Некрасова. Правда, не целиком, а лишь в отрывке. Но ведь строки великого поэта никому не были известны и увидели свет впервые! Не так-то часто баловала «Нива» своих подписчиков подобными находками. Публикатор, молодой литературовед Корней Иванович Чуковский, дал броское название повести — «Каменное сердце».

И какой мир открылся перед читателями: герои по-

вести были не обычны, не придуманы — Григорович, Белинский, Тургенев. Некрасов изобразил и себя. Правда, они были скрыты под условными именами, но как легко все угадывались, расшифровывались!

Корней Чуковский установил: отрывок, названный им «Каменное сердце», — это лишь одна глава большой повести Некрасова «Как я велик». А всего глав было пять.

Неужели рукопись так никогда и нигде не публиковалась? Неужели провалялась десятки лет, обветшала и, наконец, исчезла бесследно.

И вдруг в печати стали просачиваться сведения о том, что эта книжка выпускалась где-то на Урале, а точнее, в Перми; установили, что владельцем типографии был некто Золотников. Правда, почему-то на титульном листе обозначили не полное имя автора, а его инициалы — «Н. А. Н.».

И тогда все кинулись искать. Искали библиографы, литературоведы, искали библиотекари и историки. Но... тщетно: книга, словно невидимка, не появлялась на глаза ученым-следопытам. Постепенно о ней забыли. Правда, изредка повесть «Как я велик» упоминалась в некоторых справочниках и указателях.

В 1946 году Академия наук СССР опубликовала в сборнике «Литературное наследство» обращение к историкам и литературоведам. В нем приведены были наиболее полные сведения о книжке и в заключение указывалось: «Книги имеют свою судьбу, и загадочная книжка с инициалами Н. А. Н., заключающая полный текст повести Некрасова..., может найтись на полках скромной провинциальной библиотеки, персонал которой, может быть, даже не подозревает, какая драгоценность имеется в составе ее книжных фондов».

«Литературное наследство» обратилось также к краеведам города Перми с просьбой установить, была ли действительно в городе литография Золотникова, в которой печаталась книжка Н. А. Некрасова.

Обращение редакции «Литературного наследства», загадочное опубликование повести, неизвестная

литография какого-то Золотникова заинтересовали меня. Я тоже решил, сколько было в моих силах, принять участие в этих поисках.

Теперь, спустя почти двадцать лет, вспоминаю, как тогда я обходил ярославские библиотеки, расспрашивал библиографов, рылся в каталогах. Но о книге никто не мог мне ничего сказать. Я уже намеревался совершенно оставить поиски этой повести, когда вспомнил о своем школьном учителе Сергее Петровиче Соколове и решил посоветоваться с ним, тем более что сам он был любителем старинных изданий. Сергей Петрович выслушал меня внимательно, потом, расспросив о внешнем виде книжки, задумался.

— Мне кажется, — сказал он, — что-то подобное встречалось. Я знаком с одним букинистом, он мне библиотеку помогал подбирать. Как-то зашел к нему и увидел небольшую по формату книжечку, очень похожую на ту, которую вы описали. Если не возражаете, мы можем поехать к нему хоть сейчас. Он недалеко живет и почти все время бывает дома.

Разумеется, мы не медля ни минуты поехали к букинисту и тот проводил нас к небольшому сараю.

— Вот покопайтесь. Кажется, здесь книжка-то должна быть.

Нужно ли говорить, с каким вниманием я просматривал лист за листом, брошюру за брошюрой, вглядывался в каждую книжку. Ведь сейчас, после долгих лет, будет найдена наконец неизвестная повесть Некрасова!

— Вот она, Борис Дмитриевич! Как раз то, что искали...

Учитель вытащил небольшую книжечку без обложки. Протянул ее мне.

Но я сразу же разочаровался, когда прочитал на титульном листе: «Вся Россия». Энциклопедическая библиотека под общей редакцией В. И. Марова. Н. А. Некрасов, биографический очерк Н. Д. Носкова. Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Иогансон, Киев-Харьков, 1899 год».

Это была старая и довольно редкая книжка, но ценности для историка литературы она не имела.

— Вы эту книжку имели в виду? — спросил я Сергея Петровича.

— Да, я о ней говорил. Но теперь я и сам вижу, что она не та, которую вы разыскиваете.

Делать нечего. Я купил у букиниста найденную книжку и, разочарованный, отправился домой.

Могут спросить: ну а как же дальше? Неужели исследователи-литературоведы и библиотечные работники так и не нашли этой повести? Неужели никто не держал ее в своих руках?

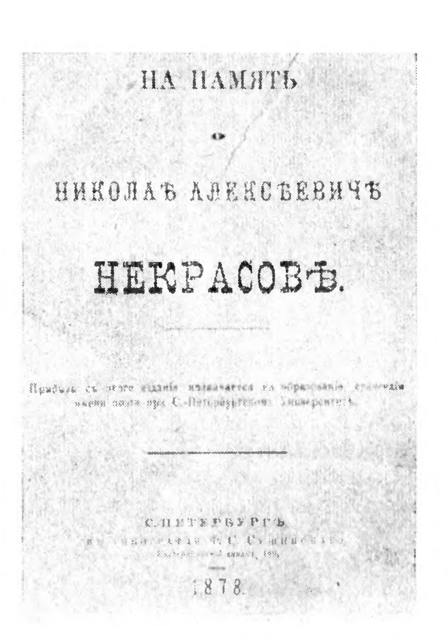
Одному человеку все же посчастливилось видеть эту книгу.

Долгое время А. К. Шарц, о котором я уже писал, разыскивал редкие книги, журналы, рукописи произведений известных поэтов и писателей Урала. И вот однажды в ворохе купленных у букинистов старых книг он обнаружил книжечку среднего формата в переплете из плотной синей бумаги. Она была озаглавлена: «Н. А. Н. Как я велик! (повесть из жизни литературного гения). Пермь, 1882 год. Литография Золотникова». Перевернув обложку, Шарц прочитал: «Эта книжка вышла тиражом в 10 экземпляров».

Не подозревая, насколько редка и ценна эта находка (ведь на обложке вместо имени автора стояли лишь три буквы Н. А. Н.), Шарц положил книжечку в конверт и убрал.

Несколько лет пролежала она в архиве Шарца. Но потом вместе с другими материалами пропала, и теперь ученые-краеведы снова пытаются найти эту редкую книгу.

В этих поисках повезти может не только специалисту-ученому или собирателю уникальных книг и рукописей. Исчезнувшая повесть может внезапно оказаться в руках библиотекаря, любителя старых изданий или в твоих руках, дорогой читатель. И тогда мы познакомимся с еще одним произведением Николая Алексеевича Некрасова.

НА ПАМЯТЬ

о

НИКОЛАѢ АЛЕКСѢЕВИЧѢ

НЕКРАСОВѢ.

С.ПЕТЕРБУРГЪ

1878.

ЕРВАЯ КНИГА О НЕКРАСОВЕ

1947 год. Угрюмый осенний полдень. Шаркая ногами по скользкой, как мыло, тропе, я бреду к спрятавшейся за холмом деревушке. Ноги то разъезжаются, то уходят по самые голенища сапог в булькающую жижу. Прыгаешь все время по островкам более твердой земли или осторожно нащупываешь ускользающую поминутно тропу.

Еще в годы революции сюда приехал из Ярославля один учитель. Прижился в селе, да так и остался здесь. Годы шли, он работал, потом сменил мел и деревянную указку на грабли да лопату и все сво-

бодное время пропадал в огороде. После его смерти дочери достались в наследство небольшой домик, фруктовый сад да пара ветхих шкафов, набитых книгами. Тогда-то один из друзей покойного и сообщил мне об этих книгах. И вот я поспешил в деревню.

Однако пришлось разочароваться. Книги оказались не такими редкими и ценными, как я предполагал. Это были собрания сочинений русских и зарубежных классиков, изданные в приложение к популярному до революции журналу «Нива», разрозненные тома Тургенева и Гончарова изданий конца прошлого века. Купив у хозяйки больше из вежливости, чем по надобности, несколько книг, я собрался отправиться обратно, как вдруг на глаза попалась тетрадка из больших конторских листов. В ней крупным и не лишенным красоты почерком были переписаны названия книг.

Пока я листал тетрадь, женщина стояла тут же, подперев рукою щеку.

— Это отец свои книжки переписал, — безучастно пояснила она. — Только много за время войны на базар пришлось вынести...

Я взял тетрадь с собою. На следующий день, уже дома, стал ее внимательно просматривать и убедился в том, что учитель-пенсионер был аккуратным до педантичности: старательно переписал названия всех своих книг, вплоть до брошюр, пометил годы издания, цену и даже количество страниц.

Вот тогда-то я и остановился перед загадкой, которая не давала мне покоя много лет. На третьей или четвертой странице под номером 43 было написано:

«На память о Некрасове. С.-Петербург. 1878 год». А сбоку на полях четко выведено — 147 стр.

В то время я увлекался Некрасовым, собирал книги, статьи о его жизни и творчестве. Конечно, этой книги в библиотеке учителя уже не было, иначе я сразу обратил бы на нее внимание. Теперь же разбирало любопытство: какое издание ускользнуло от меня? Ясно, что это была одна из первых книг о Некрасове. А может быть, даже самая первая,

ибо выпущена была она сразу же после смерти поэта. Кто ее автор, кто издатель? Это было неясным.

Что оставалось делать? В этом случае исследователь-литературовед прежде всего обращается к справочникам и библиографическим указателям. Так поступил и я. Но, к своему удивлению, сколько их ни листал, не обнаружил ничего похожего на это издание.

Год проходил за годом, но я не забывал о странной книге. При случае спрашивал о ней у библиографов и книголюбов, исследователей творчества Некрасова, искал в библиотеках различных городов. Но поиски были безрезультатны.

Так и не нашел бы я этой книги, не помоги простая случайность.

Как-то я попал в одну из библиотек сибирского города Новокузнецка. Когда подошел к полке, где стояли книги и брошюры о Некрасове, то сразу же обратил внимание на небольшую книжечку в очень старом переплете с желтым кожаным корешком. Это и был так долго разыскиваемый мною сборник «На память о Николае Алексеевиче Некрасове» выпуска 1878 года.

Я держал в руках книгу и даже не верил, что так легко нашел издание, о котором нередко вспоминал и в существовании которого даже порою сомневался. И вот теперь эта книга у меня в руках.

147 пожелтевших от времени страниц. На первом листе несколько строк в широкой траурной рамке:

27 декабря 1877 года, въ 8 час. 50 мин. веч., умеръ Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

Как видно из даты цензорского разрешения, что стоит на обороте титульного листа, книга эта была выпущена очень быстро: через полмесяца после смерти поэта ее положили на цензорский стол, а затем тут же передали для срочного набора в типографию.

Издателями книжки были известные в то время литераторы С. Глазенап, А. Покровский и Н. Соловьев-Несмелов. В предисловии они говорили, что выпускают сборник, желая увековечить память о покойном поэте, и что выручка от продажи книги пойдет на образование капитала для стипендии имени Некрасова при Петербургском университете.

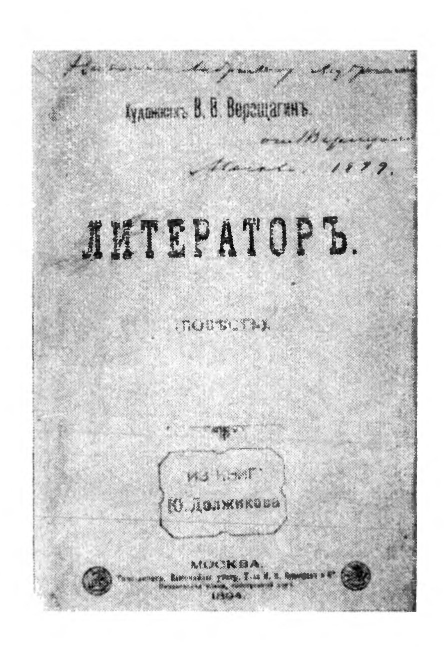
В сборнике были стихотворения, посвященные поэту, небольшие заметки и статьи, перепечатанные из газет и журналов «Пчела», «Новое время», «Будильник». Вошли сюда и некрологи, опубликованные в провинциальных изданиях, таких, как «Одесский вестник», «Киевский листок». Среди авторов статей встречаются известные имена — Федор Достоевский, Глеб Успенский, Лиодор Пальмин. О последних днях жизни Некрасова рассказывает лечивший его доктор Н. Белоголовый. А в одной из заметок подробно рассказывается о похоронах Некрасова:

«Громадная толпа, по крайней мере в три-четыре тысячи человек, сопровождала гроб поэта, который до самого кладбища был несен на руках. Большая часть этой толпы состояла из учащейся молодежи и литераторов ... множество почитателей и поклонников покойного положительно всех званий и всякого состояния, не исключая и простых крестьян, шли за гробом «народного поэта». По уверению старожилов, подобная многолюдная процессия была только на похоронах Крылова...

...Гроб был принесен к могиле открытым. Некоторыми из присутствующих друзей поэта, литераторов и студентов были произнесены у гроба речи. Первым говорил г. Панаев, близко знавший покойного. Затем Ф. М. Достоевский... Речи молодых людей были преисполнены восторженным почтением и энтузиазмом к поэту. Все присутствующие отзывались

сочувствием на слова ораторов, выражавшимся в искренних возгласах одобрения. Были читаны и стихи... Уже и после того, как могила была закрыта, долго-долго не расходилась толпа, словно ей жалко было расставаться с любимым своим певцом, взятым холодною землею...»

Итак, найденная книжка оказалась довольно интересной. Материалы, опубликованные в ней, не переиздавались, а они представляют интерес для тех, кто изучает жизнь и творчество поэта. Кроме того, этот сборник сохранился лишь в небольшом количестве экземпляров.

Художникъ В. В. Верещагинъ.

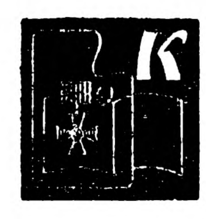
ЛИТЕРАТОРЪ.

(Повѣсть).

Из книг Ю. Должикова

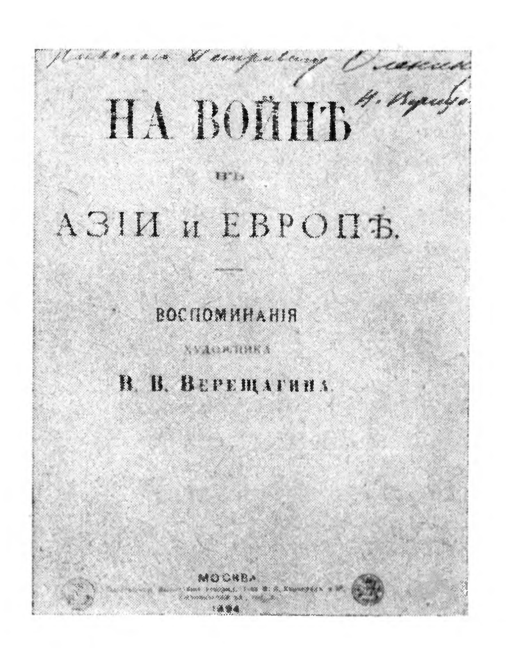
МОСКВА.

1894.

НИГИ
ВАСИЛИЯ ВЕРЕЩАГИНА

С художником Василием Верещагиным произошел такой случай. После военных действий в Туркестане, еще не оправившись от жестокой лихорадки, он очутился в Париже. Друзья жадно накинулись с расспросами о Самарканде, о боевых действиях. Верещагин, ничего не утаивая, поделился своими впечатлениями, рассказал о том, как участвовал в битве и даже водил солдат на штурм крепости. Слушавшие несказанно удивились: могло ли быть такое? А когда художник мимоходом заметил, что ему первому в армии присудили Георгиевский крест,

НА ВОЙНѢ

ВЪ

АЗІИ и ЕВРОПѢ.

ВОСПОМИНАНІЯ

ХУДОЖНИКА

В. В. ВЕРЕЩАГИНА

МОСКВА

1894

Титульный лист книги «На войне в Азии и Европе».

но он отказался, прося отдать награду другому, недоверчиво ухмыльнулись. Рассказав еще несколько боевых эпизодов, Верещагин покинул зал. Тогда один из присутствующих заметил: «Все это вранье от первого до последнего слова: что он водил солдат на штурм, что Георгиевская дума присудила ему крест, но он отказался. Это ж невозможные вещи — ему, верно, померещилось!»

Каково же было удивление его друзей, когда через месяц в газетах появилось известие, что «за блистательное мужество и храбрость» художник В. В. Верещагин награждается Георгиевским крестом!

Этим эпизодом знаменитый баталист начал одну из книг своих воспоминаний.

Василий Верещагин не был военным. Но немало времени провел он в походах, на бивуаках. Художник участвовал во многих схватках, был тяжело ранен и только благодаря случайностям выходил невредимым из самых сложных переделок. Единственно, чего он чуждался, от чего бегал, — это от наград

Василий Васильевич Верещагин.

и отличий. Орденов просто не принимал, а когда за героический поступок ему была пожалована «золотая шпага», он поблагодарил и, не взяв ее, «задал тягу... на железнодорожную станцию».

Мужеством Верещагин обладал исключительным. Случалось, во время штурма турецких крепостей, он под проливным огнем пуль бежал в первых рядах русских солдат; стоя на обстреливаемой барже, наблюдал за рвущимися снарядами и сожалел, что не захватил ящика с красками: не удастся зарисовать разрывы гранат! Иногда во время ожесточенного сражения, отставив винтовку, живописец садился на раскладной стульчик и с олимпийским спокойствием делал зарисовки.

В турецкую кампанию 1877—1878 годов Верещагин был ранен. Но и на поле боя, и на госпитальной койке он думал только о своих картинах.

Результатом тяжелого труда художника были десятки потрясающих полотен. Впервые в мировом искусстве война была показана не как парад победителей,

с развевающимися знаменами, гордыми генералами, а как тяжелый труд простых солдат — в крови, в страданиях, в смерти.

Картины художника Верещагина знают все. Но мало кому известно, что он был также и неплохим писателем.

— Как писателем? Ну это вы, дорогой, спутали. Наверное, было два Верещагиных: один — художник, другой — литератор.

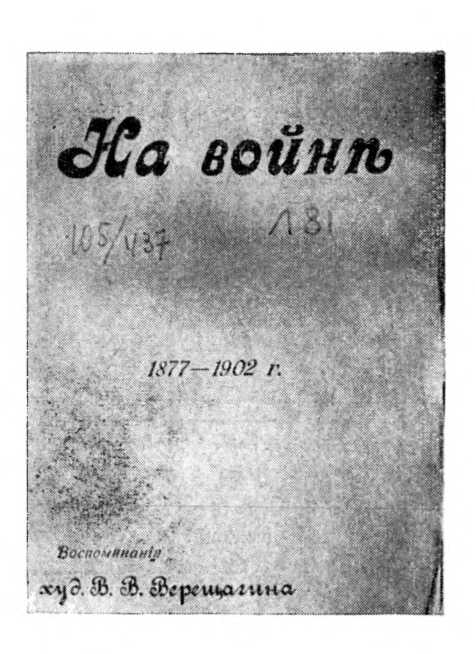
Эти слова сказал мне один из друзей, когда я попытался было завести с ним разговор о книгах Верещагина. Он так горячо отстаивал свою идею о двух Верещагиных, что я отправился домой и принес ему из своей библиотеки несколько книг — литературных произведений того самого Василия Верещагина, которого он считал только живописцем.

Вот книга «На войне в Азии и Европе», изданная в Москве в 1894 году. В ней художник рассказывает о своем пребывании в Туркестане, об участии в боях, о том, как делал первые наброски, этюды для будущих картин. В конце книги художник поместил воспоминания о генерале Скобелеве, с которым судьба столкнула его впоследствии, во время войны за освобождение балканских славян из-под турецкого ига.

А вот богато иллюстрированная книга — «На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В. В. Верещагина». Выпустил книгу в 1902 году И. Д. Сытин, решивший этой и некоторыми другими изданиями отметить двадцатилетие начала войны за освобождение Болгарии.

Как безыскусно, просто рассказывал Василий Верещагин о своем участии в боевых действиях, об атаках, перестрелках, в самое пекло которых он рвался, как одержимый:

«Порядочно-таки досталось мне за мои наблюдения, — замечает он, — некоторые просто не верили, что я был в центре мишени, другие называли это бесполезным браверством, а никому в голову не пришло, что эти-то наблюдения и составляли цель моей поездки на место военных действий...»

На войнѣ

105/437 Л 31

1877—1902 г.

Воспоминанія

худ. В. В. Верещагина

Титульный лист книги «На войне».

Книги воспоминаний Верещагина интересны еще и потому, что в них он подробно рассказывает об истории создания художественных полотен, о своих замыслах.

Верещагин писал не только книги воспоминаний. Из-под его пера вышла даже повесть — «Литератор». В ней рассказывается о молодом дворянине, который отправляется на русско-турецкую войну. Туда же едет и известный писатель Сергей Верховцев, в котором нетрудно угадать черты самого Василия Верещагина и отчасти его брата Сергея, бывшего волонтером-ординарцем при М. Д. Скобелеве.

Литератор Верховцев, как и сам автор повести Верещагин, не залечив еще как следует рану, полученную в бою, снова возвращается на поле сражения. Он считает, что нужно самому перечувствовать и выстрадать войну для того, чтобы писать о ней. Вот как описывал он встречу с раненым солдатом:

«А другой старый солдат, пронизанный пулями, как решето, и сохранивший способность шутить!

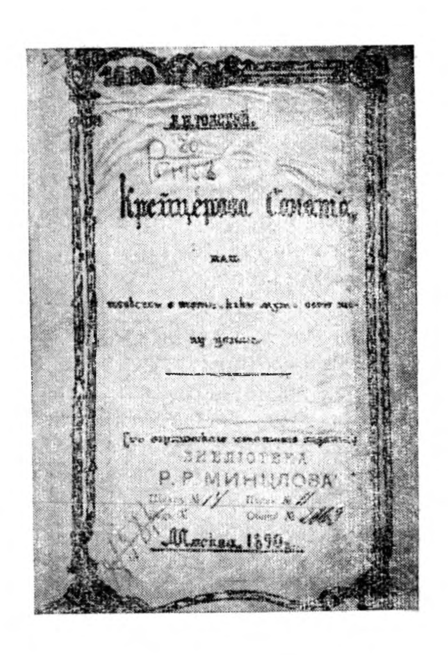
Семнадцать или восемнадцать пуль в теле, некоторые раны сквозные, так что всего-навсего около 20—22 отверстий по телу, в руках, ногах и груди — и шутит! Этот субъект, кряхтя немного, дал себя осмотреть и на замечание Сергея, вынувшего записную книжку, что он желает записать его имя, лета, родину и проч., а также набросать его портрет, ответил: «Мне уж теперь один патрет — на тот свет!»

Один экземпляр повести «Литератор» попал ко мне довольно оригинальным путем, совершив путешествие, которому позавидовал бы иной турист. Расскажу все по порядку.

Эту книжку Верещагин подарил своему знакомому Николаю Андреевичу М. (Фамилия на автографе была неразборчива.) Каким-то образом она очутилась в Сирии. Так и осталась бы эта книга в чужих краях, не попади лет пять тому назад в руки одному сирийцу, отправлявшемуся на учебу в Советский Союз. Тот, по-видимому, не представлял, какую ценность имеет экземпляр с автографом знаменитого художника, и поэтому использовал книгу вместо букваря, обучаясь по ней русскому языку.

Когда студент попал в Москву, то он, разумеется, нашел более доступные пособия для обучения русской грамоте. Книга Верещагина стала не нужна, и он попросту забыл ее на окне в общежитии строительного института. Здесь эту книгу нашел инженер Юрий Павлович Должиков, приехавший в Москву из Воронежа. Не без труда разыскал он владельца книги, и тот подарил ему редкое издание.

Проделав путь из России за границу, затем из Сирии в Москву, а оттуда в Воронеж, книга-путешественница переехала со своим новым владельцем в Кишинев и попала на полку моей библиотеки.

Крейцерова Соната,

или

БИБЛІОТЕКА
Р. Р. МИНЦЛОВА

Москва, 1890.

НЕОБЫЧНЫЙ ПОРТРЕТ

Я пишу эти строки и время от времени бросаю взгляд на большой портрет, который висит на стене перед моим рабочим столом.

Сколько замечательных мастеров живописи мечтало изобразить на полотне этого человека с чисто русским лицом и суровым взглядом. На заре кинематографии удалось запечатлеть восьмидесятилетнего старца, чтобы миллионы людей смогли увидеть человека, ставшего легендарным.

И все же висящий у меня на стене литографированный портрет величайшего русского писателя Льва

Николаевича Толстого необыкновенен и совершенно оригинален по исполнению.

Все началось с того, что однажды я во время перерыва между лекциями обратил внимание на группу оживленно беседующих студентов. Они говорили о каком-то портрете Толстого. Оказывается, в институт заходила неизвестная женщина с большим свернутым в трубку портретом писателя.

Сначала я не придал значения тому, что кто-то предложил институту приобрести портрет писателя.

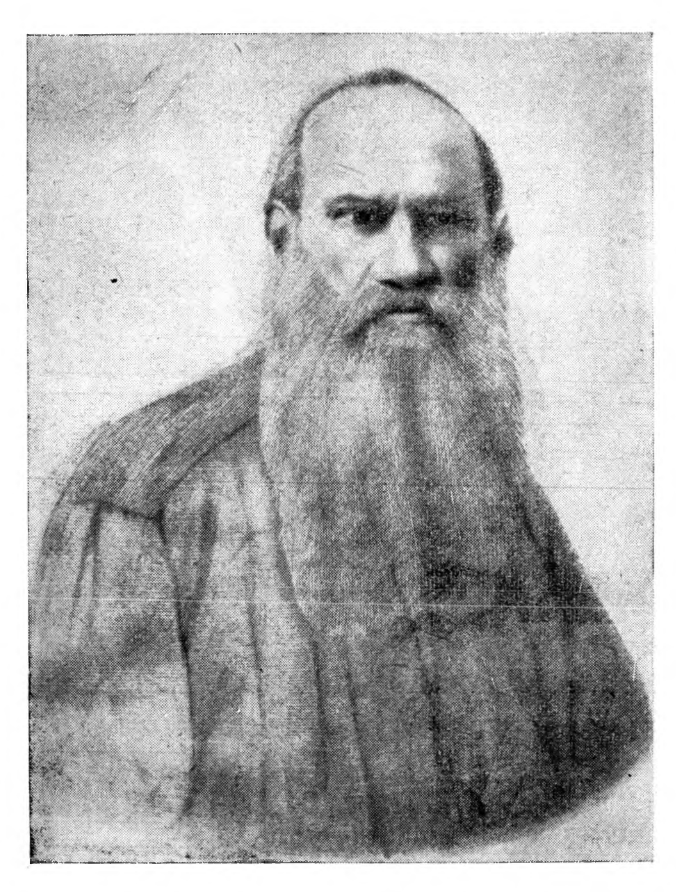
Через несколько дней я случайно встретился с одним знакомым — работником музея. Оказалось, что та же женщина приносила оригинальный портрет писателя и к ним. На этот раз загадочный портрет Толстого заинтересовал меня не на шутку.

Не буду описывать, как мне удалось установить фамилию, адрес владелицы портрета — все это было нелегко. И вот, вооружившись фотоаппаратом, записной книжкой, я отправился на Осовскую улицу Новокузнецка разыскивать владельцев загадочного портрета — Désинских.

Пройдены центральные улицы, остались позади четырехэтажные дома. Передо мною пустырь, который, видно, еще с прадедовских времен, величают «Болотным». Никакого болота здесь уже нет — на пустыре масса приземистых, испуганно жмущихся друг к другу домишек. Как видно, скоро подойдет конец этой пустоши, домикам-клетушкам с мизерными огородиками: со стороны города наступают на «Болотную» пятиэтажные каменные дома. Они отвоевывают место у расшатанных хибарок, отслуживших свой натруженный век. Потому-то и спутались в смятении улочки и переулки «Болотной».

Проплутав целый час, я в отчаянии остановился: ну как найти дом № 138 в извивающихся и петляющих переулках! Наконец какой-то мальчишка указал мне на небольшой дом в глубине тупичка.

Хозяин дома — пенсионер Лазарь Михайлович Désинский, узнав, с какой целью я зашел, провел

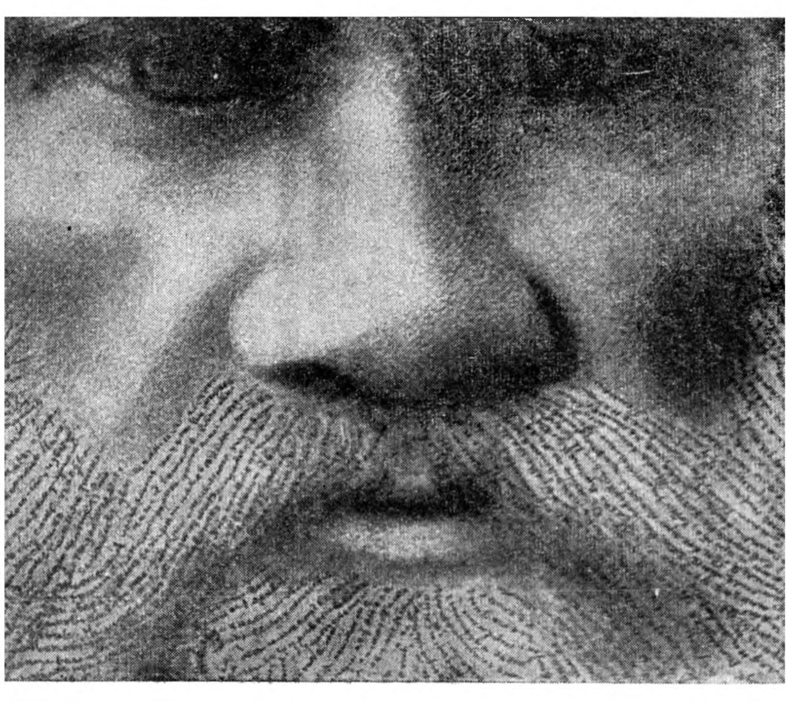

Портрет Л. Толстого.

меня в небольшую комнату. Первое, что бросилось мне в глаза, был, конечно, большой портрет Льва Николаевича Толстого в массивной деревянной раме.

«Портрет как портрет», разочарованно подумал я.

— Да вы подойдите ближе и взгляните повнимательнее, — предложил Дединский.

Деталь портрета.

Я подошел и тут же застыл от удивления. Волосы на голове писателя, пышная борода, усы, просторная блуза — все было испещрено целой паутиной слов, отдельных фраз. Казалось, миллионы муравьев выползли из своих куч и застыли на миг в каком-то странном порядке. Каждый волос бороды состоял из двух-трех вытянувшихся друг за дружкой фраз. Слова, слова, слова — и нет им конца! Оказалось, что художник-оригинал вместил в бороде, усах и блузе Льва Толстого тринадцать глав его повести «Крейцерова соната». Более девяти тысяч слов — тридцать страниц убористого типографского текста! Поистине титаническая работа!

После того как я насмотрелся на странное изображение писателя, Désinский рассказал, что лито-

графированный портрет остался еще от отца, который очень любил книги, особенно русских классиков.

Через час я уходил, унося купленный портрет Льва Толстого.

Разыскать редкую книгу, рукопись известного писателя, его портрет — это еще половина дела. За этим неизбежно последуют дни, недели, а может быть и месяцы большого труда. И труд этот можно сравнить, пожалуй, с работой следователя-криминалиста.

Вот и я сижу перед портретом: почему художник избрал именно такой способ, чтоб изобразить великого писателя? Кто этот художник? Почему взял текст «Крейцеровой сонаты», а не какого-нибудь другого произведения? Является ли портрет редким или уникальным?

Сначала я сделал самую доступную часть работы: перечитал внимательно «Крейцерову сонату» и по историко-литературным пособиям узнал историю ее создания.

В своих воспоминаниях «Как живет и работает Л. Н. Толстой» современник писателя и литератор П. А. Сергеенко рассказывает:

«Крейцерова соната» возникла при следующих обстоятельствах. У Толстого в Ясной Поляне гостили Илья Репин, актер Андреев-Бурлак, очень смешивший Льва Николаевича своими рассказами, и приехавшая из-за границы г-жа Г., которая однажды сыграла сонату Крейцера с такою яркою выразительностью, что произвела на всех, и на Льва Николаевича в особенности, глубокое впечатление, под влиянием которого он сказал Репину:

— Давайте и мы напишем Крейцерову сонату. Вы — кистью, я — пером, а Василий Николаевич (Андреев-Бурлак) будет читать ее на сцене, где будет стоять и ваша картина.

Предложение его вызвало общее одобрение.

Через некоторое время Лев Николаевич с присущею ему настойчивостью взялся за работу, которая давно уже, вероятно, бродила в его голове...»

Толстой начал работать над повестью в октябре 1887 года, а закончил последнюю редакцию ее лишь 5 декабря 1889 года. Не сразу появилась в печати «Крейцерова соната». Удалось опубликовать ее в XIII томе сочинений писателя, до этого же она распространялась по всей России в литографиях и рукописях.

Как заметил один из журналистов, «появление «Крейцеровой сонаты» явилось настоящим землетрясением в читающем мире». А один из видных немецких публицистов — Макс Нордау писал, что эта повесть, сразу же переведенная на языки всех цивилизованных народов, «была прочитана с сильным волнением миллионами людей» и доставила имени Толстого мировую известность.

Забеспокоилось царское правительство. Сам обер-прокурор святейшего синода Победоносцев писал царю:

«Теперь эта книжка в руках гимназистов и молодых девиц. По дороге от Севастополя я видел ее в продаже на станциях и в чтении в вагонах. Книжный рынок наполнен 13 томом Толстого. Точно какое-то эпидемическое сумасшествие охватило умы...»

Вскоре после появления в свет «Крейцерова соната» вызвала массу подражаний и в прозе, и в стихах. Даже жена Толстого Софья Андреевна написала повесть «Чья вина (по поводу «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого)».

Произведения, созданные под влиянием «Крейцеровой сонаты», были многочисленны и разнообразны. Но, пожалуй, самым оригинальным из них был портрет Толстого, о котором сейчас идет речь.

Этот портрет писателя, когда-то очень популярный, не переиздавался. Сейчас он считается редкостью. Разыскивая сведения о нем, я написал одному из старейших знатоков жизни и творчества Толстого — бывшему секретарю его профессору Николаю Николаевичу Гусеву. Он ответил мне:

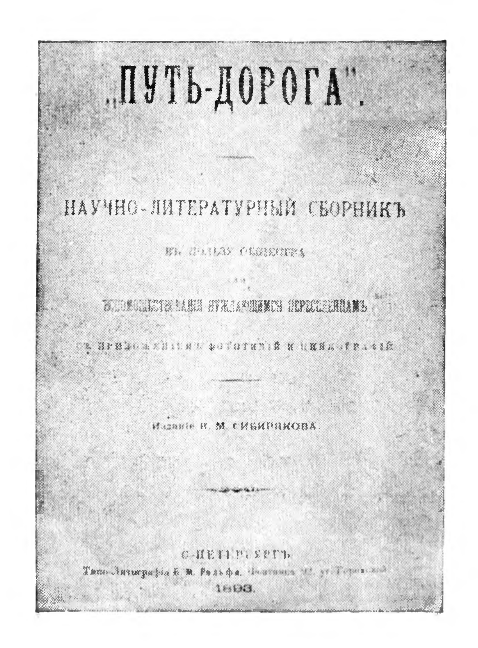
«Портрет этот очень любопытен... Разумеется, так как он в печати появился давно, то является редким, но ни в коем случае не уникальным. Портрет, без сомнения, является примером большого искусства и

большого трудолюбия автора его. Так что эта фототипия представляет интерес».

Кто же автор этого портрета? Многое поясняют нам выходные данные, стоящие под литографией. Внизу указано: «Граф Л. Н. Толстой, XIII гл. «Крейцеровой сонаты». В левом нижнем углу — подпись: «Собственность издателя С. Б. Хазина. Одесса. Копировка будет преследоваться законом. Дозволено цензурою. Одесса, 23 мая 1900 г.». И еще ниже — подпись-факсимиле: «С. Хазин».

Теперь остается еще загадкой: кто же такой сам Хазин, как он работал над портретом, был ли он знаком с Толстым, что за литография С. В. Кульженко?

Думается, что со временем я займусь портретом основательно и сумею ответить на эти вопросы,

„ПУТЬ-ДОРОГА".

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

Изданiе К. М. СИБИРЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1893.

„ПУТЬ-ДОРОГА"

Разыскивая в частных собраниях редкие и антикварные книги, я нашел как-то интересный сборник. Добротный картонный переплет, обернутый зеленым коленкором, золотое тиснение букв. На титульном листе заглавие — «Путь-дорога». Странное название сборника! О чем же поведает нам оно?

С любопытством стал я просматривать оглавление книжки. Много фамилий известных писателей, поэтов, художников. Но что же объединило их в этой книжке?

Конец прошлого века был наиболее тяжелым в жизни русского народа. Из десяти последних лет четыре года были голодными, два — неурожайными. В отдельных губерниях России свирепствовала страшная эпидемия холеры, и смерть ежедневно уносила сотни людских жизней.

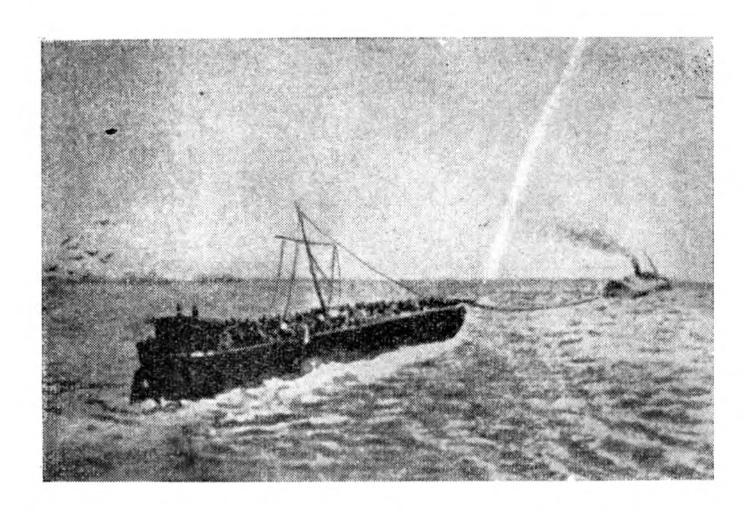
Особенно тяжелы были эти годы для крестьян, переселявшихся на новые земли. А таких переселенцев было не мало. С 1886 по 1905 год в одну только Сибирь из средней полосы России переселилось более полутора миллиона человек.

Страшную и вместе с тем жалкую картину представляли эти переселенцы. Их пестрые толпы можно было видеть на пристанях, на железнодорожных станциях, на сенных площадях губернских городов. В полуразвалившихся скрипучих повозках, среди облезлых сундуков и всякого скарба то тут, то там виднелись истощенные детские лица; за повозками брели женщины с грудными детьми, крестьяне с понуро опущенными головами. И над всей этой толпой слышался несмолкаемый плач детей, хриплый и надрывный.

Толпы переселенцев тянулись к Уралу и дальше — на Тюмень, Томск, Тобольск. В пути рождались дети, рождались лишь для того, чтобы умереть от голода. «Только забитый нуждою до отупения человеческий организм мог выносить всю ту массу лишений, нужды и страданий, какую несла эта иззябшая, голодная толпа с охрипшими от крика детьми, охающими стариками и изнемогающими больными», — писал один врач из Томска, наблюдавший переселенцев.

Царские же чиновники смотрели на этих бедняков как на бродяг, воров, на «подонков человечества».

Демократически настроенные интеллигенты пытались кое-что сделать, чтобы облегчить судьбу голодающих переселенцев. Возникла даже организация «Общество для вспомоществования переселенцам»; проводились сборы денег в их пользу. Но все это были крохи в том океане бедности, который захлестывал многомиллионные массы народа.

Барка с переселенцами.

Богатый купец-золотопромышленник К. М. Сибиряков тоже решил помочь голодающим переселенцам. Об этом либеральном купце я отыскал интересные сведения в воспоминаниях о В. И. Ленине Марии Ильиничны Ульяновой:

«Это был богатый сибирский золотопромышленник, скупивший в середине 70-х годов у обедневших самарских помещиков большое количество земли с целью организации крупного, технически рационального хозяйства. Человек левых либеральных убеждений, — может быть, даже левее, — Сибиряков, по-видимому, имел в виду и революционную пропаганду в народе. Во всяком случае та или иная связь с политическими у него была».

К. М. Сибиряков много помогал народникам, пытался устроить земледельческую колонию, открыть сельскохозяйственную школу, построил на свои средства начальную школу, где работали учителями Глеб Успенский с женой. Но все культурные начинания его натыкались на правительственные рогатки: слиш-

За хлебом. Картина художника Загорского.

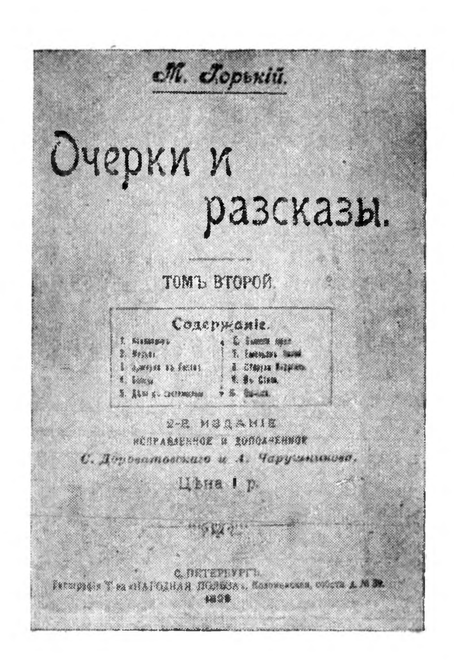
ком неблагонадежным казался он в глазах губернского начальства.

Вот этот-то купец-правдолюб в начале 1893 года и решил выпустить литературный сборник в помощь переселенцам. Он обратился с письмами к видным писателям, поэтам, художникам с предложением принять участие в сборнике. Книжка вышла большая, хорошо оформленная. И название ей дали «Путь-дорога». Здесь читатели нашли произведения таких известных и талантливых писателей, как Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, Н. Г. Гарин-Михайловский. Издатель обратился и к молодому А. П. Чехову, попросил дать какой-нибудь рассказ в сборник. Видно, Чехов немало раздумывал над тем, что послать из своих новелл. Он пересмотрел свои произведения, опубликованные в тонких юмористических журналах, и решил дать Сибирякову в сборник рассказ «Хористка». Этот рассказ он написал в 1886 году и опубликовал под названием «Певичка» в журнале Лейкина «Осколки».

Перечитайте «Хористку», и вы убедитесь: как раз подходит рассказ для сборника в помощь нуждающейся бедноте. Пусть в нем рассказывается не о крестьянах, не о голодных переселенцах, а о бедной, униженной певичке, которую может оскорбить и побить любой из чванливых завсегдатаев театральных кулис, может наговорить грубостей любая «дама из хорошего общества».

А если бы вы сравнили журнальный вариант рассказа с опубликованным в «Пути-дороге», то увидели бы, что Чехов не просто переписал старый текст. Он позаботился о том, чтобы произведение было лучше, острее по идейной направленности. Антон Павлович немало потрудился и значительно переработал рассказ: многое добавил, кое-что сократил. Стилистической правке подверглась почти каждая фраза, совершенно переработан конец. После кропотливой работы рассказ и был отослан издателю сборника.

Много других интересных рассказов и очерков русских классиков нашел я в сборнике «Путь-дорога». Книга эта хорошо иллюстрирована рисунками И. Крамского, Н. Касаткина, И. Репина, А. Васнецова и других художников. Многие из них выполнили рисунки специально для этого издания. Все авторы и художники отказались от гонорара в пользу голодающих крестьян, а деньги от распродажи сборника пошли на оказание помощи нуждающимся переселенцам. И хотя эта помощь была очень мала по сравнению с огромными лишениями, которые испытывали крестьяне, однако она показывает, как русские демократические писатели и художники откликались на нужды народа, стремились хоть чем-нибудь облегчить его тяжелую участь.

М. Горькій.

Очерки и разсказы.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Содержаніе.

2-е изданіе

исправленное и дополненное

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Цѣна 1 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

УДЬБА ОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Это произошло в Томске незадолго до революции 1917 года. В книжный магазин Макушина зашел немолодой человек. Глаза его посматривали на все оценивающе, словно говоря: «А ведь я — себе на уме». Блеклая бородка клинышком. Пустой рукав засунут за полу потерявшего вид пегого пиджака. По одежде — прост, по взгляду — мудрен.

Пересмотрев несколько книг, пришедший покосился на стену. В приличных багетовых рамах два портрета. На Льва Толстого он не обратил внимания, а подошел к другому и долго, прищурившись, всматривался.

Прочитал: «Максим Горький». Подпись ничего не объяснила.

— Скажите, кто этот Горький? — спросил наконец он, повернувшись к продавщице.

Та ответила:

— Алексей Максимович Пешков. А подписывается он псевдонимом — Максим Горький.

Человек раскрыл удивленно глаза, о чем-то глубоко задумался. Когда уходил из магазина, то еще раз покосился на портрет писателя. Покачав головою, сказал сам себе: «Так вот оно что...»

А на следующий день из Томска в Нижний Новгород шло письмо Максиму Горькому. В письме этом была такая фраза: «Пришли, дорогой, мне твоей стряпни».

Кто мог так фамильярно обратиться к известному писателю? Имел ли право?

Любые поиски, если они серьезны, трудны. К истине через сотни фактов ведет, как правило, не магистральная дорога. Почти всегда это запутанные, усыпанные тернием тропинки, часто исчезающие и вдруг появляющиеся вновь. Со всех сторон теребят тебя факты, события, люди. Ты настойчиво перебираешь их, иногда приходишь в отчаяние, снова плутаешь, возвращаешься туда, откуда вышел, и... начинаешь опять путешествие к неизвестному.

Когда я приступаю к поиску, разгадке судьбы книги или неизвестного документа о писателе-классике, я прежде всего освобождаю стол от всего постороннего. Постороннее — это газеты, письма, конверты, пишущая машинка. Никто не должен мешать, ничто не должно отвлекать.

На этот раз на моем рабочем столе лежала книга Горького «Мои университеты» да фотоснимок юноши.

Я подолгу смотрю на фотографию. Русское, чуть скуластое лицо, мясистые широкие губы. Длинные волосы, вьющиеся на концах, пробивающаяся бородка и небольшие усики. Одет в рубашку со стоячим

воротником и куртку, кожаную, а может быть, суконную.

Это и есть тот самый покупатель, который спустя много лет зайдет в книжную лавку. Постоит возле портрета Максима Горького, а потом напишет ему из Сибири, напомнит о себе. Да и напоминать-то не нужно. Достаточно просто написать: «Я, Андрей Деренков, жив...»

Как и когда скрестились пути-дороги этих двух посвоему незаурядных людей?

Мечтая поступить в университет, Горький приехал в Казань. Там он попал в трущобу «Марусовку» — большой неуютный дом. Тогда-то и познакомили его с владельцем бакалейной лавки Андреем Деренковым, к которому вечерами сходились студенты и гимназисты.

В повести «Мои университеты» Горький писал о Деренкове:

«Сухорукий Андрей, одетый в серую куртку, замазанную на груди маслом и мукою до твердости древесной коры, ходил по комнате как-то боком, виновато улыбаясь, точно ребенок, которому только что простили какую-то шалость».

Но, пожалуй, не лавка и не лавочник привлекали студентов. В темных сенях дома прятался небольшой чулан, в котором Деренков хранил свою библиотеку. Здесь были переписанные от руки запрещенные правительством книги — «Что делать?» Чернышевского, «Исторические письма» Лаврова, статьи Писарева.

Горький рассказывал:

«Действительными хозяевами в квартире Деренковых были студенты университета, духовной академии, ветеринарного института, — шумное сборище людей, которые жили в настроении забот о русском народе, в непрерывной тревоге о будущем России. Всегда возбужденные статьями газет, выводами только что прочитанных книг, событиями в жизни города и университета, они по вечерам сбегались в лавочку Деренкова со всех улиц Казани для яростных споров и тихого шепота по углам. Приносили с собою толстые книги и, тыкая пальцами в страницы их,

кричали друг на друга, утверждая истины, кому какая нравилась».

Андрей Деренков благоговел перед студентами. Он как-то сообщил Алексею Пешкову, что скромные доходы его торговли целиком идут на помощь людям, которые верят: счастье народа — прежде всего. Верил: накопится в России много хороших людей, займут все видные места и разом переменят жизнь!

Лавочка Деренкова почти не давала дохода, а нуждающихся студентов роилось возле нее все больше и больше. Тогда Андрей задумал открыть булочную, Пешкова поставить подручным пекаря; он будет следить к тому же, чтобы сам-то пекарь не воровал муку, яйца, масло и готовый товар.

На первых порах дела пошли в гору. Деренков присматривал уже другую пекарню, более обширную. Но, рассказывает Горький, «все чаще случалось, что люди, не считаясь с ходом дела, выбирали из кассы деньги так неосторожно, что иногда нечем было платить за муку. Деренков, теребя бородку, уныло усмехался:

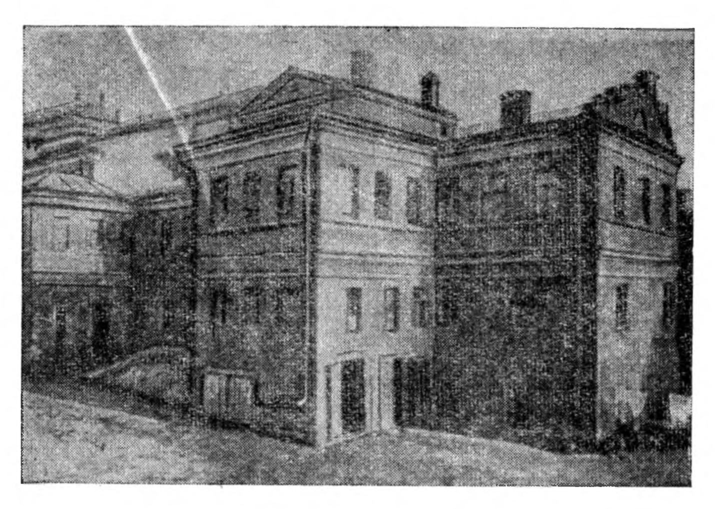
— Обанкротимся».

Алексей Максимович не был свидетелем банкротства Деренкова. Познакомившись с революционером-народником Михаилом Антоновичем Ромасем, он уехал с ним в поволжское село Красновидово вести агитационную работу среди крестьянства.

Вот, пожалуй, и все, что рассказывается о Деренкове в повести «Мои университеты».

Стоит ли говорить о том, что лица, которых Горький изобразил в повести, не выдуманы. Значит, если в Казани была на самом деле лавка и булочная Деренкова, то о ней мог вспомнить и написать не только Горький, но и те, кто ее посещал?

Литературоведческий поиск — это прежде всего горы просмотренных и прочитанных сборников, справочников, указателей. Никакая в мире библиография, даже наиподробнейшая картотека, не поможет отыскать в книжных океанах тот спасительный корабль, на который обращено все твое внимание. Сотни книг о Горьком, о Казани, о русских народниках. И на

Дом, где жили Горький и Деренков.

каких-то пока неведомых мне страницах должно быть хоть упоминание о булочнике Деренкове...

И сведения эти нашлись.

Труды Ильи Александровича Груздева знакомы многим. Он написал несколько интересных книг о Горьком, в том числе и монографию, изданную в серии «Жизнь замечательных людей»; по его сценариям были поставлены фильмы «Детство», «В людях». Едва ли кто знал так хорошо жизнь великого писателя, как он. И вот в исследовании «Горький и его время» Груздев приводит рассказ офицера Федотова. Тот был участником революционных кружков Казани, впоследствии его сослали на поселение в Сибирь. Федотов вспоминал:

«В квартире Андрея находилась и небольшая библиотека изъятых книг и журналов, собранная понемногу в течение нескольких лет молодежью. Поэтому сюда приходили также и для получения нужной книги, и для обмена взятой уже на другую. В отношении умственной пищи довольствоваться приходилось

Андрей Деренков.

только старыми книгами и журналами, так как новых книг радикального направления цензура не пропускала. А так как старых книг было очень мало и доставать их было очень трудно, то молодежь постоянно ощущала книжный голод. Несмотря на бережное обращение с этими старыми книгами, они в конце концов, побывав у множества усердных читателей, которые зачастую не только читали, но и штудировали их подолгу, приходили в крайнюю ветхость. Множество раз приходилось переплетать и подклеивать их самодельным переплетчикам из этих же читателей, а когда отдельные листки уже совершенно распадались, то их полностью или частично переписывали от руки, и переписанные страницы вместе с уцелевшими снова переплетались и подклеивались».

Просматриваем еще раз «Мои университеты», но уже с другой целью: говорится ли в повести о том, как относилась полиция к Деренкову, к его лавочке и библиотеке. Находим: Горький рассказывает, как возле него начал кружиться коршуном городовой

Никифорыч. Он выспрашивал его о книгах, которые читает, о друзьях-студентах. Старик городовой стал приглашать Алексея к себе. Пешков уклонился было от такой «любезности», но товарищи отсоветовали: тогда еще больше подозрений падет на пекарню Деренкова. Явно за ними начали следить.

Перечитывая письма Горького, я отыскал в одном из них упоминание об этой слежке. В 1927 году Горький писал из Сорренто А. А. Белозерову:

«В Казань я уехал 15-ти лет, см. «Мои университеты». Год с лишком работал в булочной крендельной Вас. Семенова, см. «Хозяин». Затем — булочная Деренкова. Жандармы не «предполагали», что Деренков «фиктивный» хозяин, как об этом гласит дело казанского жандармского управления. Булочная была организована с нелегальными целями».

Но, минутку... Здесь говорится о каком-то «деле казанского жандармского управления». Что это за «дело»?

Снова пришлось пересматривать сборники документов, монографии о Горьком. Наконец-то отыскал упоминание о «деле» у Груздева в одной из книг. И как хорошо, что есть ссылка на источник, в котором это «дело» опубликовано, а то пришлось бы еще много времени повозиться.

Иду в библиотеку и достаю журнал «Былое» за 1921 год, там как раз и есть этот материал.

Вот донесение жандарма: Булочная Деренкова служила «местом подозрительных сборищ учащейся молодежи, занимавшейся там, между прочим, совместным чтением тенденциозных статей и сочинений для саморазвития в противоправительственном духе, в чем участвовал и Алексей Пешков».

Литературоведческий поиск подобен извлечению из бездонного колодца знаний бесконечной цепи фактов, спаянных друг с другом. Незначительное упоминание между строк, сноска внизу страницы, три-четыре слова, брошенных автором вскользь, могут явиться для исследователя началом длинной цепи новых открытий. Упоминание Горького о Деренкове в письме к Белозерову привело меня к «делу казанского жандармского управления»; «дело» — к поискам в

«Летописи» дат; поиски эти — к неожиданному источнику — неизвестным мне воспоминаниям А. Деренкова, опубликованным в газете «Горьковская коммуна». Об этом мелким шрифтом упомянуто в «Летописи жизни и творчества Горького».

Цепь вдруг остановилась, замерла. Накрепко застыла. Имею ли я право обойти эти воспоминания? Нет, не имею. Не могу пройти мимо хотя бы потому, что цепь поисков будет не полна, не будет хватать одного звена, может быть, важного, необходимого. И, перечитывая очерк, я все время буду чувствовать разорванность цепи.

Как нужен мне из миллионов газетных листов только один — старый, потускневший, всеми забытый, стиснутый в огромной массе подшивок в Ленинской библиотеке. Это номер 141 «Горьковской коммуны», который читали 17 июня 1945 года. Право, за него я пожертвовал бы сейчас хорошую книгу из своей библиотеки!

Съездить в Москву? Из-за одной газетной статьи? Попросить, чтобы изготовили и выслали фотокопию,— пройдет не менее двух месяцев. Может, написать в г. Горький, в библиотеку? Нет, едва ли перефотографируют заметку: библиотеки, как правило, этим не занимаются... Целый час я ходил в своем кабинете по диагонали — от стола до книжной полки. Шесть шагов туда, шесть — обратно...

Счастливые решения приходят чаще всего неожиданно. И оказываются они порою простыми. А почему не обратиться в педагогический институт на кафедру литературы? Коллеги не оставят в беде, помогут. Пусть поручат кому-либо из студентов переписать статью.

И уже через неделю доцент Горьковского пединститута Л. М. Фарбер прислал мне пакет. В нем — аккуратно перепечатанная из «Горьковской коммуны» копия статьи «Молодой Горький (воспоминания А. С. Деренкова)». Эти воспоминания в 1945 году 87-летний Деренков написал по просьбе музея «Домик Каширина». Они сейчас забыты, так как, кроме горьковской газеты, нигде не были опубликованы. Сведения же, факты и детали жизни Горького в

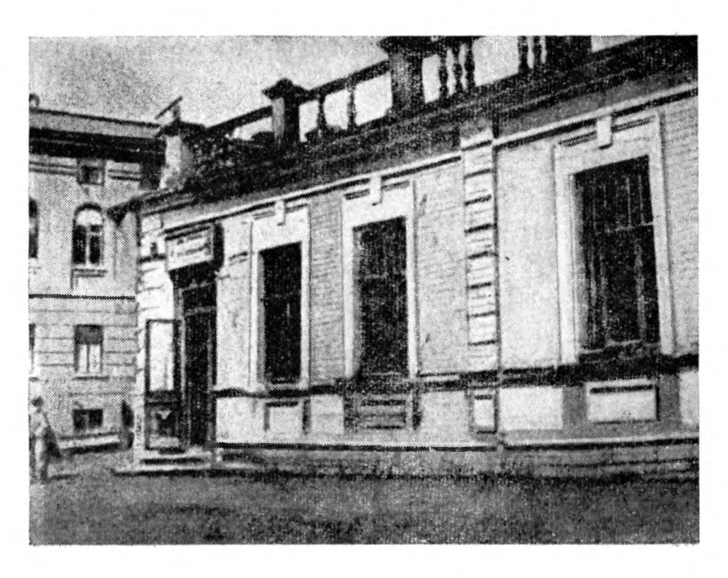
Казани любопытны и представляют интерес. Поэтому приведу эти воспоминания целиком, как они были опубликованы в местной газете четверть столетия тому назад.

«Юноша Алексей Пешков — будущий мировой пролетарский писатель Максим Горький — прожил в нашей семье около двух лет.

Познакомил меня с ним, помнится мне, в 1885 году, в начале учебного года, студент Казанского университета Петр Филиппович Кудрявцев. По рекомендации Кудрявцева Алексей Максимович и остался у нас жить. Был он парень высокого роста, здоровый, широкоплечий, немного сутулый. Из его слов я узнал, что он приехал в Казань из Нижнего Новгорода. Через несколько дней, выяснив, что он любит читать книги, я поручил ему привести в порядок мою домашнюю библиотеку. Она хранилась в сенях, в углу чулана и была незаметна для посторонних. Библиотека была составлена мною по каталогу, изданному в Челябинске братьями Покровскими. В ней имелись лучшие художественные произведения русских и иностранных писателей, книги научного содержания и по разным общественным вопросам. Были журналы: «Русское слово», «Современник», «Дело», «Отечественные записки», «Слово», «Русская мысль».

До поступления в булочную к Василию Семенову Алексей Максимович большую часть времени проводил за чтением книг. Читал он очень внимательно, Часто приходилось беседовать с ним по поводу какой-нибудь прочитанной книги. Помню, мы долго разговаривали с ним о романе Шпильгагена «Один в поле не воин». Я объяснял ему, что герой романа Лео списан Шпильгагеном с руководителя рабочего движения в Германии Ф. Лассаля, рассказал ему о жизни Лассаля и его деятельности.

Алексей Максимович принимал участие в нашем кружке по самообразованию. Чувствуя свою неподготовленность, Алексей Максимович участия в спорах не принимал, только иногда задавал вопросы. Он любил слушать рассказы по истории народных движений, о вдохновителях этих движений, таких, как, например, Томас Мюнцер, руководитель крестьянского

Булочная Деренкова.

восстания в Германии, о деятелях французской революции — Дантоне, Марате, Робеспьере, Мирабо. В русской истории его особенно привлекал Емельян Пугачев, Степан Разин. История последнего настолько интересовала его, что он, работая в булочной у Семенова, читал рабочим о жизни и жестокой казни Степана Разина.

Чтение книг и участие в кружке по самообразованию имели большое влияние на умственное развитие Алексея Максимовича.

Из материальных соображений, а главное, чтобы избежать полицейского надзора, мы решили открыть булочную на Мало-Лядской улице. Место очень бойкое. Рядом с булочной был Панаевский сад. Под видом покупателей можно было свободно посещать собрания в булочной, особенно в летнее время, вечером, во время гулянья в саду. Пришлось просить Алексея Максимовича поступить в булочную Василия Семенова, чтобы научиться булочному делу. Зная нашу цель, он охотно согласился на мою просьбу. Через

несколько месяцев он изучил это ремесло и перешел в нашу булочную помощником пекаря.

На первых порах предприятие давало порядочный доход, но помещение оказалось тесным для собраний. Пришлось открыть другую булочную — на Театральной улице, недалеко от городского театра. Место тоже бойкое, помещение просторное. Имелись две комнаты, удобные по расположению, там могли незаметно собираться до десятка и больше людей. Рядом жил жандармский полковник и, ничего не подозревая, покупал у нас булки. Сюда и перешел работать Алексей Максимович.

Эту вторую булочную посещали большей частью студенты духовной академии. На Алексея Максимовича они смотрели свысока; среди них он чувствовал себя чужим.

...Опять пришлось увидеться с ним только во второй приезд его в Москву из Сорренто».

Итак, как же сложилась в дальнейшем судьба необычного лавочника?

В 1946 году к Андрею Степановичу Деренкову приехали сотрудники Казанского музея имени А. М. Горького. С его слов они записали воспоминания о великом писателе.

Откроем книгу «Горький в воспоминаниях современников» и прочитаем на 85-й странице, что Деренков рассказывает о своем дальнейшем житье-бытье:

«Оставив на произвол судьбы свои дела в Казани, я с семьюдесятью рублями в кармане бежал в Сибирь. До Тюмени я ехал по железной дороге, дальше железнодорожного пути не было, и я пробирался по сибирским рекам: по Туре, Оби до Томска и дальше за Томск (150 км) в село Лебедянка...

Живя в далекой Сибири, я ничего не знал о дальнейшей судьбе Алексея Максимовича и всех наших казанских друзей».

Сибирь. Томск. Село Лебедянка. Рука тянется к полному географическому атласу. Но... Лебедянки, что в 150 километрах от Томска, я не нахожу. Или теперь она называется иначе? А возможно, что Деренков переехал в другое село или город?

И тут вдруг вспоминаю фразу из книги Груздева:

«И уже в глубокой старости, на семьдесят пятом году жизни, в 1933 году, он сохранял тот же интерес к литературе и живой действительности, когда с далеких судженских копей из Сибири писал...»

Судженские копи... Так это же Анжеро-Судженск — один из городов Кузбасса! Значит, Деренков жил там и даже переписывался с Горьким. В конце своих воспоминаний он писал, что в 1928 году съездил к Алексею Максимовичу в Москву. Причем Горький выслал ему и денег на дорогу. «В мае месяце 1929 года, — рассказывает Деренков, — я четыре дня гостил у Алексея Максимовича в Москве. Он дал мне три тысячи рублей и на прощанье обещал приехать ко мне в Сибирь. Но это была последняя и единственная наша встреча после совместной жизни в Казани.

Дальнейшая наша связь поддерживалась только нечастой перепиской и посылкой мне Алексеем Максимовичем его книг».

Итак, все как будто бы разыскано, путь Андрея Степановича Деренкова прослежен от начала и до конца. Моя совесть исследователя-литературоведа может быть чиста.

И все же, когда я вновь и вновь перечитывал свой очерк, то сердце подсказывало, чего-то не хватает, что-то пропущено, не договорено до конца.

С того дня, как была поставлена последняя точка в конце последней фразы, беспокойное чувство овладело мною. Я шел на лекции в университет, возвращался. А в голове — одна мысль: так что же все-таки упущено?

Ответ пришел неожиданно просто. Рукопись лежала на столе. Жена прочитала очерк и задала один, вполне естественный вопрос, который был для меня открытием и на долгое время продлил поиски.

— А куда же девались книги Деренкова?

Так вот, чего недостает в очерке! Действительно, что же стало с библиотекой?

В этот вечер заново, уже в который раз, перечитал все, что было под руками. Начал мысленно прикидывать. Деренков вспоминал: «Оставив на произвол судьбы свои дела в Казани, я с семьюдесятью рублями в кармане бежал в Сибирь». Ясно: бедняге было не до книг. Верно, захватил лишь самое необходимое. В пользу такого предположения говорит и то, что от Тюмени ему пришлось пробираться по сибирским рекам. До книг ли тут...

Но, с другой стороны, чутье подсказывало: истинный библиофил никогда не бросит свои книги. Самые ценные обязательно захватит. Кроме того, потеряв одну библиотеку, будет собирать другую. Отказаться от этого — свыше его сил. Значит?.. Значит, книги Андрея Степановича Деренкова должны оставаться в Анжеро-Судженске.

День шел за днем. Рукопись очерка лежала на столе, и ни единой строчки к ней не прибавлялось. Прошел месяц — все «на точке замерзания». И в то же время шла большая работа. На этот раз, вместо того чтобы обратиться с запросами в архивы, крупные книгохранилища, я приступил к поискам исчезнувшей библиотеки с другого конца. С утра до вечера все свободное время только и делал, что читал, читал, читал. Одни книги брал из шести библиотек города, другие пачками приходили по межбиблиотечному абонементу из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Просматривая очередной справочник или том мемуаров, я день ото дня терял надежду. Да есть ли что-нибудь еще о Деренкове? Ну найду две-три фразы — пересказ уже известного...

Но, как говорится в песне, «кто ищет, тот всегда найдет». В конце месяца упорных поисков мне выдали пришедший из Новокузнецка сборник «Горняки Сибири». Вечером, после работы, начал перелистывать. И вдруг...

Для меня в этот святой момент все остановилось, все замерло. Я сидел загипнотизированный книгой. Несколько страниц подробнейшего рассказа о судьбе пропавшей библиотеки Андрея Деренкова. И какого рассказа!

Итак, мы оставили Андрея Степановича Деренкова в то время, когда после долгих скитаний осел он в Анжеро-Судженске. Видно, не пропал «на краю света» предприимчивый волжанин. Открыл мелочную лавчонку и стал пополнять свою библиотеку.

Забушевал океан революции. Волны его докатились и до небольшого шахтерского городка. Рабочие угольных копей собирались, митинговали, ходили по улицам с красными бантами на груди, открыто пели революционные песни. И вот в это время, зимою 1917 года, из Томска в Судженск приехал некто Болдырев. Когда он зашел в клуб, куда был назначен на должность библиотекаря, то руки его опустились: в двух небольших шкафах валялось несколько старых журналов да растрепанные приложения к «Ниве». Это и был весь «фонд» его библиотеки.

Задумался Болдырев: время трудное — книг не достанешь. Но ему подсказали: «Здесь живет старый приятель Горького — Деренков. У него хорошая библиотека».

«Старик Деренков,— вспоминал Болдырев,— дорожил ею больше всего на свете. Охотно предоставлял брать у него книги для чтения почти всем желающим и тем не менее ни за что не хотел расставаться со своей библиотекой, чтобы пожертвовать ее нам».

Болдырев и комиссар копей стали уговаривать Деренкова. Ну пусть хоть на время передаст он часть книг; по первому же его требованию все будет возвращено в целости и сохранности. Комиссар дал слово лично отвечать за каждую книжку. Старик колебался, теребил бородку. Потом, тяжело вздохнув, согласился.

Так пополнилась рабочая библиотека сочинениями русских классиков, политическими брошюрами, журналами.

Вскоре новость облетела поселок: лавочник передал ценные книги рабочим. У Андрея Степановича Деренкова неожиданно нашлись последователи. Учителя, инженеры копей и простые шахтеры стали приносить Болдыреву учебники, журналы. Прошло немного времени, и на полках стояло уже 10 000 книг. Утроилось количество читателей.

Время было грозное, неспокойное. Разрывая ночную тишь, на станцию Анжерка пригромыхал бронепоезд мятежных чехословаков; стягивались полки колчаковцев. С часу на час рабочие ожидали обстрела угольных копей.

«И вот в это тревожное время, — рассказывает Болдырев,— читатели забегают в библиотеку, предлагая в целях спасения ее разобрать книги по домам и переждать тревожные дни».

А затем настали темные времена. Власть в Анжеро-Судженске перешла к эсеровскому «народному собранию». Началась дикая травля большевиков и рабочих, которые сочувствовали им. Тогда-то народная читальня и осталась единственным уголком, куда могли заходить шахтеры.

У Болдырева появились «помощники библиотекаря». Правда, они часто менялись. На самом же деле это были руководители большевистских организаций, скрывавшиеся от ищеек.

Наконец, Анжеро-Судженск освобожден от эсеров и колчаковцев. Снова начали собирать рабочие свою библиотеку. Они добывали деньги, покупали книги в Томске, выписывали из Москвы. И кто теперь отыщет в большом книжном море то основное ядро библиотеки, ее первооснову — те несколько сотен книг, которые передал рабочим друг Горького Андрей Степанович Деренков...

Не так давно я побывал в Анжеро-Судженске. Разыскал дом, где жил Деренков, его знакомых. Один из шахтеров подарил мне редкую книгу. Толстый переплет с кожаным корешком не тронуло время. Титульный лист:

«М. Горький. Очерки и рассказы. Том 1-й.
2-е издание С. Дороватовского и А. Чарушникова.
С.-Петербург. 1899 г.»

В этом томе, прожившем почти семьдесят лет, опубликованы ранние рассказы Горького — «Челкаш», «Песня о Соколе», «Макар Чудра» и многие другие.

На свободном листе выцветший автограф-факсимиле — «А. С. Деренков». Значит, книга принадлежала ему.

Как попала она к шахтеру? «Еще от родителей осталась, — ответил он на мой вопрос. — В сундуке лежала».

Я смотрю на этот старый том и вспоминаю о Деренкове, о том времени, когда в далекую Сибирь пришла ему посылка с книгами от его старого друга — «Олехи», великого писателя Максима Горького.

Не одна ли из этих книг теперь у меня в руках?

Очерк закончен. Стопки книг на столе; разбросаны черновики, выписки, заметки; аккуратно перепечатанная рукопись — результат нелегких поисков. Но я не тороплюсь убрать все это со стола: слишком сжился со старой Казанью, со студентами-народолюбцами, с сухоруким булочником, портрет которого стоит передо мною, с пекарем Алексеем по кличке Грохало, который стал Максимом Горьким. Смахнуть со стола все это не так-то легко. Пусть останется как есть до новых поисков, до новых встреч с таинственными героями следующего очерка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юному читателю 3
Издания, прожившие столетия . 5
Тираспольская находка 13
Со знаком «В. Б.» 22
«Из книг Александра Неустроева» 27
«Малютки» И. А. Крылова . . 31
Гусарской саблей и пером писателя 35
Шевченко ищет книгу 42
Пропавшая рукопись 46
Сквозь рогатки цензуры . . . 51
На чердаке старого дома . . . 59
Кто такой «Н. В.»? 63
Ненайденная повесть 68
Первая книга о Некрасове . . . 72
Книги Василия Верещагина . . 77
Необычный портрет 83
«Путь-дорога» 90
Судьба одной библиотеки . . . 95

Борис Дмитриевич Челышев

В ПОИСКАХ РЕДКИХ КНИГ

Редактор *Л. М. Тарасова*
Художник *О. М. Кравченко*
Художеств. редактор *М. К. Шевцов*
Техн. редактор *М. Д. Козловская*
Корректор *Е. А. Блинова*

Сдано в набор 10/VII 1968 г. Подписано к печати 30/VII 1970 г. 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Печ. л. 3,5. Условн. 5,88. Уч.-изд. л. 4,41. Тираж 100 тыс. экз. (Тем. пл. 1970 г. № 285/610). А03773.

Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Отпечатано с матриц в типографии изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49. Заказ № 515. Цена 11 коп.